

Вильгельм ШУЛЬЦ

Последняя подготовка фюрера

Миссия
в Антарктиде

Война. Штрафбат. Они сражались за Гитлера

Вильгельм Шульц

**Последняя подлодка фюрера.
Миссия в Антарктиде**

«Яуза»

2011

Шульц В.

Последняя подлодка фюрера. Миссия в Антарктиде / В. Шульц — «Яуза», 2011 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Гитлера)

Они объявлены мертвыми при жизни. Их миссия – одна из главных тайн агонизирующего Рейха. Накануне падения Берлина лучшие «Grauen Wolfe» Гитлера (дословно: «серые волки» – прозвище подводников Кригсмарине) отплывают в Антарктиду, которая должна стать «Ноевым Ковчегом» СС и где на сверхсекретной Базе 211 нацисты испытывают летающие диски и завершают Kernwaffenprojekt (атомный проект). Увенчаются ли успехом эти смертельные эксперименты? Успеют ли гитлеровцы создать Vergeltungswaffe («оружие возмездия»), чтобы взять реванш за поражение во Второй Мировой и возродить «Тысячелетний Рейх»? Удастся ли им повернуть историю вспять? Судьбы мира решаются во льдах Шестого континента! Новый роман от автора бестселлера «„Подводный волк“ Гитлера. Вода тверже стали». Невероятный сплав военного боевика и криптоистории. Последняя подлодка фюрера принимает неравный бой!

© Шульц В., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Вильгельм Шульц

Последняя подлодка фюрера.

Миссия в Антарктиде

*... Wie oft in Meeres tiefsten Schlund
stürzt' ich voll Sehnsucht mich hinab:
doch ach! den Tod, ich fand ihn nicht!
Da, wo der Schiffe furchtbar Grab,
trieb mein Schiff ich zum Klippengrund:
doch ach! mein Grab, es schloß sich nicht!
Verhöhnd droht' ich dem Piraten,
im wilden Kampfe hofft' ich Tod.
«Hier» – rief ich – «zeige deine Taten!
Von Schätzen voll ist Schiff und Boot!»
Doch ach! des Meers barbar'scher Sohn
schlägt bang das Kreuz und flieht davon...
Nirgends ein Grab! Niemals der Tod!
Dies der Verdammnis Schreckgebot.¹*

Рихард Ваннер «Летучий Голландец»

Глава 1

ULTIMA TULE²

*Túque adey, quem myx quae sint habitúra deyrum
Cóncilia încertúm est, urbísne invísere, Cáesar,
Térrarbmque velís curam ét te máximus yrbis
Áuctorém frugúm tempéstatúmque poténtem
Áccipiát, cingéns matérna témpora mýrto,
Án deus ímmensí veniás maris ác tua náutae.
Númina syla colánt, fibi sérviat última Thúle...*

.....
*Dá facilém cursum átque audácibus ádnue cyeptis
Ígnarysque víae mecúm miserátus agréstis
Íngredere ét votís jam núnc adsuésce vocári.³*

Вергилий, «Георгики», Г 24–30' 40–42(Лам.)

Летом в этих широтах исключительно голубое небо. Яркое и светлое. Лишь изредка его затягивают низкие плотные облака, но лазурь просвечивает даже через них, а потому они

---

² Самая дальняя точка. Конец мира. В представлениях германских нацистов еще и точка отсчета, откуда началась история ариев.

³ Как знать, какие сонмы бессмертных./Цезарь, воспримут тебя! – Ты, наконец, городов ли хранителем будешь/И попеченье земель предпочтешь и будешь вселенной/Ты, как податель плодов, властелин над чредами погоды/Принят, главу увенчав листвою материнского мирта./Станешь ли богом морей беспредельных и чтить мореходы/Будут тебя одного, покорись ли дальнюю Фулу..... Легкий даруй нам путь, начинаньям способствуй отважным/И, пожалев поселян, еще незнакомых с дорогой./Нас предводи, благосклонно приняв призывания наши.

кажутся серо-голубыми. Облачность никогда не набегаёт постепенно, она обрушивается сразу, как будто на котел нахлобучивается гигантская крышка. Летом это пустыки, летом, когда здесь царит почти круглосуточный день и редко штормит, такие фокусы, можно сказать, даже развлекают. Лед начинает менять цвета, и можно поспорить, что столько оттенков голубого, зеленого и белого нет нигде в мире. Ледники спускаются прямо в море. Иногда сверкающая толща, подмытая водой, крошится и с грохотом обрушивается в темные волны. Это потрясающее зрелище, если смотреть издали. Издали безопасно. Огромная глыба поднимает белый фонтан и плывет, покачиваясь, как спущенный на воду корабль, величественно и неторопливо. Верхняя часть айсберга, как известно, в 4–6 раз меньше его подводной части. И никогда точно не знаешь, в 4 или в 6! Вот настоящая головная боль для моряков, и особенно для подводников на перископной глубине! Да и глубже – тоже. Морской лед – не лучше – уже при + 2 море начинает «парить» и на спокойной воде образуются прозрачные кристаллы. Они растут, соединяются друг с другом, образуя сгустки в виде каши из льда и снега – снежуру. Море покрывается ковром, который в зависимости от освещения становится то серо-стального, то свинцового цвета, напоминая застывшую графитовую смазку, в которую какой-то шутник добавил мела и тщательно перемешал. Пока за бортом около нуля – снежура не опасна, но по здешним меркам «0» Цельсия – это невиданная «жара». При -10 пространства спокойной воды затягиваются тонкой корочкой льда. Замерзание не всегда происходит равномерно, из этой «смазки» получаются странные ледяные диски с загнутыми вверх краями. Когда дует ветер и море волнуется, эти «блины» сбиваются в кучи, образуя так называемый «рыхлый лед». Если продолжает холодать, а это происходит обязательно, рыхлый лед смерзается, льдины увеличиваются, образуя сплошной лед. Если ветер усиливается, сплошной лед ломается, образуя огромные ледовые поля. Ходить под такой коркой – тяжелейшее испытание. Зенитный перископ постоянно поднят, чтобы высматривать подходящие для всплытия полыньи. А их может не быть на десятки километров.

Большие айсберги расстреливают торпедами, но это не всегда удается, да и не известно, что лучше – одна большая глыба или пять-шесть глыб поменьше. Вокруг айсберга образуется зона пониженной температуры и тумана, и если их много – туман накрывает шапкой большое пространство. Сонар не всегда справляется, может и ошибку выдать, а таран такого ледяного «эсминца» способен погубить лодку. Погружаться ниже 70 метров – тоже сомнительный выход. Рельеф дна здесь мало изучен – нет-нет да наткнешься на какую-то неведомую банку или риф. Тогда все, чему вас учили в Мюрвике, здесь может оказаться просто бесполезным. Даже если удалось покинуть затопленные отсеки, даже если вы вынырнули на поверхность, в такой воде вы проживете ну самое большее минут 20. Если спасательный самолет каким-то чудом умудрится засечь аварийный радиобуй – принять на борт вас он просто не успеет. Вы не морской леопард, не тюлень Уэдделла и даже не пингвин. Эти твари наполовину состоят из жира, его невозможно проморозить. Вы же, даже если когда-то считались «упитанным», – жалкая креветка по сравнению с ними.

Это не Тронхейм, не Ян-Майен и не Шпицберген – там благодаря Гольфштрему есть хоть короткое, но лето, там есть хотя бы какая-то растительность. Здесь – только камни. Лед, лед, лед и камни. Это огромное пустынное пространство, покрытое толстым ледяным панцирем, – Новая Швабия – антарктическая колония Рейха. Будущее Империи. И могучая цивилизация, когда будет делать решительный шаг, обопрется именно на эти ледяные горы.

Что ж, дети Нибелунгов, вы пели гимны льду, восхваляли Великий Север, – вы все это получили. Столько льда не в состоянии переколоть все человечество, вместе взятое. Вы получили самый лютей Север, который только может быть, но Создатель решил в очередной раз жестоко пошутить. Это север другого конца света. Ultima Tule в самом законченном, совершенном, абсолютном смысле. Край земли. Край вселенной. Дальше нет ничего.

Но этих широт еще нужно было достигнуть. А впереди – Атлантика, нашпигованная эсминцами «томми». В тусклом свете бортовых плафонов командирского отсека, отгородившись от посторонних глаз плотной занавеской, Хельмут Ройтер неторопливо, одна за другой, разламывал сургучные печати, чтобы вскрыть пакет с приказом Командующего. Бискайский залив они благополучно миновали. Шноркель исправен. Будем идти экономичным ходом – заряд-разряд батарей. Впереди у нас долгий путь, на рожон не лезем. Итак, подведем итоги. На календаре 1943 год. В январе Хельмуту исполнилось 28. В прошлой жизни он, ас-подводник, кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями, входивший в первую десятку «королей тоннажа» в Kriegsmarine. Но под прошлой жизнью подведена черта. Теперь он гаупштурмфюрер морского формирования СС, которое пока, правда, состоит всего лишь из одной-единственной лодки – U-797. Для всех на земле он и его команда – мертвы. Почти для всех. О существовании его лодки знают только некоторые высшие офицеры СС из проекта «Ипсилон», курируемого Appelerbe, лично Гиммлер и, конечно же, папа-Дёниц. Все-таки формирование морское. Умереть для всего остального мира было не так уж и сложно. Анна – единственная любовь и мать его ребенка (в который раз!) настояла на разрыве, теперь уже, несомненно, окончательном. Какая глупость... Ладно, Ади скоро вырастет и все поймет сам. Он – мужчина. Так что пусть учится сражаться. А отец... Да Ройтер и сам рос без отца, и вот вырос и поступил в Мюрвик и стал командиром подлодки. У Хельмута мелькнула странная мысль... А что, если и его отец, Георг Ройтер, *в ту войну* вовсе не погиб? Ведь, несмотря на пышный некролог и посмертные мечи к Рыцарскому кресту, Хельмут все-таки жив. Да... но слишком долго, получается, длится его задание... А если он просто пришвартовался у другого берега? У какого? Ройтер гнал от себя все эти мысли. Он не хотел разбираться в превратностях чужих отношений. Ему хватало собственных. Но мысль, что отец мог не погибнуть тогда в 15-м, как он сейчас, посетила его впервые. Возможно, потому, что ему в голову не приходило, что официально сообщению правительства *не следует* верить.

Смерть, оказывается, это еще не конец! Это шанс. Возможно, шанс начать все сначала. Желтая крафт-бумага адмиральского пакета громко хрустела, на стол сыпались сургучные крошки. На листе стандартного формата на знакомой штабной пишущей машинке было напечатано несколько строчек. В общем, ничего необычного, кроме, пожалуй, одного – пункт назначения не Пенанг, как он ожидал, а Сурабайя. Снабжение через U-992. Точку randevu определяют позже.

Пенанг – было бы логично. На Пенанг базировалась группа «Муссон», оперировавшая в этом районе на коммуникациях американцев. Но это было бы слишком сложно – объявлять на всю Германию о гибели лодки, придумывать ему новую легенду лишь затем, чтобы перевести в удаленный гарнизон? – Ну что ж... Сурабайя так Сурабайя. Не так уж и плохо. Курорт практически. Температура воздуха днем вне зависимости от времени года там 30 градусов – ночью 25. Ну и вода... Не Балтика, не Бискай и даже не Специя.

– Командир! – Из-за занавески показалась физиономия первого помощника Филиппа Унтерхорста. Если бы UFA задумала снимать фильм про пиратов – ничего лучше и искать бы не пришлось, а тут еще и две недели в пути, борода – еще не борода, но уже внушительная щетина на лице, как будто высеченном из камня. Эмоции на нем отражались редко, но сейчас, видимо, что-то случилось. – Мы приняли SOS!.. Итальянцы... Гаццана-Прьяроджия...

– Джанфранко?! – Это был как гром среди ясного неба. Гаццана-Прьяроджия, чью фамилию Унтер-хорст сейчас даже не исковеркал, был не просто одним из командиров-подводников союзников. Это он тогда у входа в Гибралтар спас их, торпедировав эсминец. Карро-Франка⁴ нельзя так просто бросить, проигнорировав SOS. И хотя дизеля сейчас не обеспечивают самый

⁴ «Карро» – «дорогой» (ит.), дружеское обращение в Италии.

полный – надо идти в координаты терпящего бедствие «Архимедоса». И он сейчас нужен на мостике.

– Ройтер! Почему вы изменили курс? – вмешался оберштурмбаннфюрер Леопольд Майер. Решение командира подлодки его явно не устраивало. Он и еще несколько инженеров должны были в точке randevу пересечь на U-992, которая доставила бы их к месту их нового назначения – южную базу «Новый Берлин».

– Герр Майер! Не сочтите за наглость, но, хотя вы и старше по званию, на лодке может быть только один командир. В данном случае вы – мой пассажир, и я несу ответственность и за вас в том числе.

– Ройтер! У вас приказ следовать в точку randevу с U-992!

– Именно в эту точку мы и последуем, как только окажем помощь союзникам.

– Вы понимаете, что нас уже нет в списках Kriegsmarine? Вы демаскируете нашу лодку, я уже не говорю о том, что они вообще иностранцы!..

– Союзники, – поправил Ройтер. – А Джанфранко – отличный моряк и мой друг. У меня не так много друзей, и в последнее время они что-то очень часто убегают от меня на пир к Вотану. Обер-штурмбаннфюрер, положитесь на мой дар предвидения. Вы же сами меня тестировали. После завершения похода – напишете докладную вашему шефу, а пока мы в море – здесь все вопросы решаю я. Извините.

Шефом Майера на текущий момент был не кто иной, как Ганс Рёстлер. Этому жаловаться на Ройтера было бесполезно. Они были знакомы с 39-го года. Ведь именно в 1-й флотилии Рёстлер в свое время был ответственным от Партии. Он еще тогда заметил молодого амбициозного лейтенанта, можно сказать, если бы не Рёстлер, то Ройтера и не было бы в проекте «Ипсилон». Круг замыкался.

Из дневника Леопольда Майера

Борт U-797. Северная Атлантика (дата неразборчива)

Нет никаких сомнений, что то, над чем мы сейчас так усердно бьемся, уже было известно человечеству много лет назад. Взять хотя бы конструкцию храмовых куполов. Без сомнения, это – параболические антенны. Купола базилик, мечетей, имеющие форму правильного полусферы, или шлемовидные купола греко-православных церквей, вытянутые параболы индуистских храмов, – все это не что иное, как попытки, и, несомненно, весьма удачные попытки, работать с энергиями сверхвысоких частот. Если бы не было успеха – все закончилось бы на нескольких опытных образцах и не имело бы всемирного распространения. Форма и размеры, видимо, зависят от определенной волны, на которой «работают» те или иные религиозные и этнические группы. Собрать воедино энергии тысяч и направить в указанную посвященными точку. Вот – задача! Чем больше купол, тем, соответственно, больше сила. Что же может купол размером с Земной шар? Какая мощь должна в нем таиться? А купол размером со Вселенную? Не о том ли говорит и Хёрбигер?⁵

И, конечно же, информация. Все озарения, религиозные, научные, все случаи ясновидения, несомненно, связаны с трансформацией этой энергии высоких уровней. Сигнал определенной длины волны служит носителем информации, на этом основана локация. Главное – суметь декодировать сигнал. Раньше это было возможно для человека. Вся история мировых религий говорит именно об этом. Сегодняшняя проблема – в массовой деградации человеческого вида. Если в древности было достаточно воли десятков, сотен, то сейчас уже требуется сложение воли миллионов.

---

⁵ Ханс Хёрбигер – автор космологической доктрины «вечного льда», которая в III Рейхе была воспринята нацистской наукой и считалась адекватной картиной строения мира.

Я испытываю восхищение и невероятный энтузиазм, когда представляю, какие горизонты открывает нам эта технология... Могла ли Германия хотя бы мечтать о таком до фюрера? А прошло всего-то несколько лет!

* * *

Находимся северо-западнее Азорских островов. Командир занялся спасательной операцией. Пока поиск никаких результатов не дал. В опасной близости барражируют Британский фрегат и эсминец.

Познакомился поближе с командиром боевой части Карлевитцем. Человек необычной судьбы. Полуеврей, добившийся лейтенантских погон и Железного креста. Очень сильный химик. Довольно любопытно рассуждает на темы философии и политики. Мне с ним интересно. Особенно его соображения относительно взаимодействия урана и сурьмяных соединений ртути. Над этим стоит поработать всерьез. Как только придем в базу – обязательно свяжусь с атомщиками.

* * *

Поиски, наконец, увенчались успехом. Воля, конечно, у этого Ройтера железная. Выловили из воды итальянца. Он электрик с той самой лодки. Утверждает, что больше никто не спасся. Сицилиец. Ни у кого раньше не встречал такой звериной ненависти к «томми».

Получено радио от U-992

Назначено randevu на полночь. Ждем встречи с U-992 как манны небесной. Горючего почти нет, продуктов тоже. Вчера рассматривали предложение захватить какое-нибудь плохо охраняемое южноафриканское или британское судно с целью пополнения припасов. Я ни секунды не сомневаюсь, что, если U-992 не придет в назначенную точку, они именно так и поступят. У Ройтера удивительный экипаж! Как будто собрал психов со всей Германии. Я как будто в книжке Карла Мая. А теперь еще с ними и этот Сицилиец. Отморозок полный. Как они собираются отправить его из Японии? Ладно, меня это не касается. Сегодня пересаживаюсь на 992 и через пару недель смогу заняться настоящим делом.

Надоело бездельничать.

Далее в дневнике несколько страниц вырвано.

...августа 1943 г.

Борт U-992 (Южная Атлантика)

Вчера наблюдал, как играют киты. На расстоянии не более полумили прошли несколько громадин. Каждый метров 20–25 в длину. Глянцевые черные спины в ракушках. Что-то есть в них от нашей подводной лодки. (Начал уже говорить про подлодку «наша» – смешно.) Когда он идет на всплытие, от спины валит пар. Некоторые вытаскивали треугольную морду из воды и застывали так. Очень похоже на каменную скалу. Если не знать, что это, можно было бы легко спутать.

Час назад миновали последний остров Южной Сандвичевой гряды – Туле. Надо же, и здесь – Туле! Священное слово! Потрясающее чувство! Я среди немногих избранных в этом мире, кому довелось хотя бы приблизиться к этому полюсу величия ариев. Я на пороге свидания с великим.

Подлодка Ройтера была уже почти месяц в походе. После randevу с 992 жизнь немного наладилась. На лодке появились консервированные ананасы, мука и мюнхенский Spaten. Казалось, Ройтер полжизни не пил немецкого пива! Кислое французское в Бресте – это и не пиво вовсе, а какие-то помои с запахом дрожжей. А южную базу, выходит, очень неплохо снабжают. Но пища пищей, а нервы у всех на пределе. Если бы не титанические усилия офицеров, команда уже давно бы свихнулась. Это совсем не то, что было даже год назад. Много новичков. Его непобедимая команда обновилась почти на треть. Среди новых членов экипажа попадаются интересные персонажи. Юрген Зубофф – за него хлопотал сам Лют, ну понятно, земляк⁶. Даром что русский – навигатор отменный и старательный офицер. Из морской семьи. Хотел воевать с большевиками, но вот «не повезло». Слишком хорошо учился и «засветился» с необычными способностями. Отправили в спецпроект. Этнические русские вызывали у Ройтера известное любопытство. Он никогда не сталкивался с ними в бою, ему ни разу не доводилось атаковать русское судно, но о том, что его страна вела бой на суше с этим противником, он, конечно же, не знать не мог. И, судя по сводкам, по рассказам фронтовиков, это был упорный противник. Ройтер невольно пытался разглядеть сильные и слабые стороны этого противника, анализируя поведение своего второго помощника. Пока ничего экстраординарного не находил. Унтерштурмфюрер Зубофф ничем не отличался от среднестатистического берлинца. Унтерхорст довольно сдержанно принял нового офицера. Ну, Унтерхорст – он вообще такой. Вспомнить хотя бы, как он поначалу кривился при виде Карлевитца.

* * *

Очень долго тянется этот поход: праздник Нептуна при прохождении экватора, чемпионат по скату, любительские радиоспектакли, всего не упомнишь, и все это на фоне перманентного ремонта двигателей. Лодка вышла из доков «сырая». Хорошая конструктивная задумка была весьма посредственно воплощена в металле. Четыре 9-цилиндровых дизеля «MAN» M9V46 по 700 лошадак в каждом. Но какие же капризные эти движки! Особенно система редукторов. Французы – суки – налили еще какого-то дерьма в масло. Карлевитц со старшим механиком Рахом мучились трое суток, прежде чем благодаря очередному химическому чуду сепарировали дрянь и откачали ее за борт.

– Честно говоря, хорошо, что мы свалили из этой Франции, – заметил как-то Рах. – Эта страна становится совсем не той, что была 2 года назад. Да и Брест теперь совсем не тот...

– Бомбежки участились, – согласился Карлевитц. – Во время одной из них достали-таки библиотеку и архив. Хорошо, что больше там не работает Вероника. А вот Эрике не поздоровилось...

– Да, – вздохнул Ройтер, – слышал я эту историю. Она 3 часа пролежала под завалами. Ее едва успели донести до санитарного поезда...

– Говорят, ей ногу пришлось ампутировать...

– Черт! Не повезло бабе. Сучка она была, конечно, та еще, но такого бы ей никто не пожелал...

– Командир, – вдруг глухо произнес Карлевитц, – я очень сожалею, что тогда... ну, когда Вероника... ну, вы понимаете, меня не было в Бресте. Может быть, я бы смог что-то для нее сделать...

– Боюсь, тогда для нее никто ничего не смог бы сделать, – задумчиво проговорил Ройтер. – Видимо, это действительно судьба. Хорошо еще, она сама осталась жива. Так что не стоит казнить себя. Вспомните, каких усилий мне стоило тогда отправить вас на переподготовку, а то так бы в оберфейнрихах и ходили бы.

---

⁶ Вольфганг Лют – уроженец г. Риги, на тот момент находившейся в составе Российской империи.

– Как жаль, что все так получилось...

– Могло бы быть хуже, уверяю вас, я имел беседу с ответственным от Партии, девчонка чуть было не угодила на Восточный фронт из-за меня. Да! – повторил Ройтер, увидев смятение в глазах Карлевитца. – Этот новый ответственный, которого прислали взамен Рёстлера, был, конечно, уникальным дебилом.

– Пожалуй, да, «Душка-Ганс» был кто угодно, но только не дебил.

– Надо-то было всего лишь немного подождать. Была бы сейчас вдовой погибшего героя и получала бы приличную пенсию.

* * *

Сицилиец рассказал о последних минутах своего командира – Карро-Франка. Их накрыли, как тогда под Гибралтаром Ройтера, эсминец и корвет. От одного еще можно уйти. От двух – почти нереально, если кто-то не поможет. А помочь было некому. «Томми» скинули 12 серий по 20 бомб. Командир пытался уворачиваться и демонстрировал уникальное мастерство, но силы были не равны. Очередная атака – и лодка начала принимать воду сразу в несколько отсеков. Чтобы спасти экипаж, Джанфранко приказал продуть балласт и направил расчет к орудию. Они решили драться до последнего. Увы! У Карро-Франка не было своего Унтерхорста! Артиллерийская дуэль, из которых ройтеровский старпом выходил всегда победителем, закончилась в пользу британцев. Практически сразу они добились попадания. «Парус» разворотило так, что можно было выпрыгивать наружу. Ну, Сицилиец и выпрыгнул. Лодка сразу же ушла на дно, как драная галоша. Естественно, как при прямом попадании спасешься? Это же мостик! Можно предположить чудо и представить, что Джанфранко выбросило далеко взрывной волной. Но они искали. Искали 2 дня. Постоянно прячась от кораблей англичан. Ройтеру стоило титанических усилий не ввязаться в схватку с убийцами его друга. Но у него приказ. Скорее всего, от Джанфранко осталось еще меньше, чем от другого его друга – Иоахима Шепке. Ей-богу, начинает казаться, что лодка Ройтера, которой, по мнению старпома, покровительствует морской черт, едва ли не самое безопасное место в этом мире.

Глава 2

МАСТЕР НАКАМУРА

Путь самурая заключается в безрассудности. Такого человека не смогут убить и десяток людей. С помощью здравого смысла не добьешься великих вещей. Просто перестань думать и стань безумным.
Цуэнтамо Ямамото «Хагакурэ».

На другом конце земли, в Берлине, шла своя, совсем другая жизнь. Дыхание войны уже чувствовалось во всем, враг был уже у порога Империи, но люди продолжали радоваться, надеяться, увековечивать подвиги прошлого и даже задумываться о будущем. Все-таки исход битвы был еще не окончательно предрешен.

– Я думаю, потомки не упрекнут нас в излишней помпезности. Городской совет уже утвердил эскизы. На работы нужно где-то месяца 2–3... – докладывал Рёстлер, демонстрируя наброски будущего памятника асу-подводнику. Фленсбург помнит своего героя. Рядом с ним за столом сидел заметно постаревший Вальтер Демански – этот человек, как богемский лепрекон, сосредоточил в своих руках уже практически все финансы Империи, недавняя опала Шахта ему в этом очень поспособствовала.

– Деньги найдем, – бесстрастно ответил он. – Сейчас их куда больше летит в такую прорву... Представляешь, – грустно улыбнулся он, – война, оказывается, черт побери, такое затратное мероприятие...

– Красный мрамор обещали поставить из Сен-Назера, – продолжал, как бы не слыша его, чтобы не затевать ненужной полемики, Рёстлер. Дома у Демански за кружкой пива или за стаканом шотландского виски – куда ни шло, но тут они встречались в рабочем кабинете на Вильгельм-Платц, и разговор носил официальный характер. Не до сентиментов.

– Не стоит. Мне кажется, его памятник должен быть из немецкого мрамора.

– Я думал об этом. Есть протокол о намерениях с Рейнланд-Пфальцем, – мгновенно предложил другое решение Рёстлер.

– Вот это лучше. Я понимаю, Франция, он там воевал... Но это все-таки дом, родина... Эх, жаль, что у меня остался только один внук... – Демански задумался. Его внук был не кем иным, как сыном Ройтера. Смерть героя была для него еще и личной потерей. Демански не верил в конспирологию. Для него, финансиста, единственной реальностью были цифры, а смерть в последнее время слишком очевидным фактором финансовых рисков, чтобы в нее не верить.

– Ну-у-у... я надеюсь... Анна... еще достаточно молода... – выдавил, с трудом подбирая слова, «Душка-Ганс» – так прозвали Рёстлера в 1-й флотилии за виртуозное умение корчить «своего парня» в любой компании – хоть в матросском кубрике, хоть в штабе, хоть в местном отделении гестапо.

– Э-э... – неопределенно махнул рукой Демански. – Это уже эрзац. Война выкашивает лучших... Увы... Жаль, что я так мало знал своего несостоявшегося зятя... Возможно, он был бы хорошим промышленником или биржевиком после войны...

– А как ваш бразильский проект? – перевел тему Рёстлер.

– Двигается, – уклончиво ответил богемец. Он не хотел вдаваться в подробности. Да и к чему они рёстлеру? Он – человек Гиммлера, а в данном случае что Гиммлер, что Канарис – разницы никакой. Оба хуже. – Как *ваши* чудо-оружие?

– Двигается, – в тон ему ответил Рёстлер – Не так быстро, как хотелось бы, но, думаю, к концу года мы получим опытные образцы.

– И что, «томми» будут повержены в вечную тьму?

– Не надо иронизировать. Вот представьте себе – корабль вне зоны поражения любым оружием, включая «Фау». Да к тому же «Фау» не точна, как известно. Так вот, корабль готовится выйти на боевой курс и нанести удар. Ничто не предвещает беды – вдруг вокруг него вода как будто закипает, меняет свою плотность, и корабль погружается в воду вместе со всем экипажем. Море выплевывает брусья, ящики и прочий хлам. Другой вариант – нам нужно захватить корабль. Я посылаю импульс, которым вызываю у команды необъяснимое чувство паники. Объявляется шлюпочная тревога, через 15 минут корабль в полном боевом снаряжении готов к принятию трофейной командой. Третий вариант – я перестраиваю систему из боевого положения в разведывательное – я могу слышать все переговоры команды, причем на расстоянии сотни километров. Впечатляет?

– Несомненно. Но неужели ничего подобного нет ни у кого из союзников?

– Нет... – Рёстлер щелкнул пальцами. – И не будет. Проект «Радуга» родил пшик. Я говорил. Нельзя верить этой заднице с ушами – Эйнштейну. Все, что у них получилось, – они засунули корабль в поле, а как управлять этим полем, не имеют представления, ну он у них и вывалился тут же. При этом полкоманды сошло с ума. А что ты хочешь? Окажись вдруг вне поля времени? Кто хочешь сойдет с ума. Уверяю вас, просто нам не с чем сравнить, мы никогда в таком состоянии не оказывались. Мы-то действовали умнее в сорок первом.

– Вы уже тогда что-то переместили?

– Кое-что переместили. И, уверяю вас, это очень серьезная боевая единица.

– А русские? У них что-то такое есть?

– А русским это уже теперь не нужно. Зачем, когда они прекрасно справляются, просто тупо увеличивая производство танков. А чего – нет? Стали – завались, вольфрам, молибден – на тебе, нефть – вот, под ногами, только качай... Да и не потянут они сейчас какие-то дорогие проекты. Они измотаны... – Правда, – после небольшой паузы добавил он, – им это не помешает через несколько месяцев быть на границах Рейха. Так что оцените мой совет, я еще в 42-м говорил – инвестировать в России нельзя. Хороши бы вы были, если бы вложились в донецкие шахты.

– На донецкие шахты я поставил огромное количество слаботочного оборудования. Не на одну сотню тысяч марок. Так что, что бы вы ни говорили, Ганс, совсем отказаться от инвестиций было нельзя. На этом угле потом ходили наши паровозы и работали электростанции. Так что марка, вложенная в уголь там, – это работающие станки здесь, это снаряды, танки, оружие для армии. Это жизни миллионов немцев. Кто может их оценить?

– Уверяю вас, герр Демански, скоро все изменится. Как бы нам не пришлось считать не погибших, – он кивнул на папку с эскизами, – а уцелевших.

* * *

Вероника Лутц не была посвящена в секреты III Империи. Она оставалась простым оберш-райбером. Хотя и при довольно высоком новом непосредственном начальнике – Рёстлере – руководителе группы PERT⁷ в 7-м департаменте Главного управления имперской безопасности. У нее не было оснований не доверять официальному сообщению о смерти Ройтера, роман с которым оставил на ее сердце кровавую рану но и определенно утверждать, что лодка Ройтера погибла, она также не могла. В донесениях, которые проходили через нее в рамках проекта «Ипсилон», фигурировал некто Конрад Нойман. Этот Нойман возник ниоткуда. Вернее не совсем ниоткуда. Как-то в разговоре Рёстлер попросил ее пофантазировать на тему,

---

⁷ Руна посвящения. Подталкивает и облегчает процесс качественного изменения сознания (внутреннего посвящения) – на любом уровне. Использование руны «Перт» в магических целях может привести к совершению акта психической смерти – разрыву каузальных и астральных связей между прошлым и будущим человека.

какую фамилию можно было бы придумать для человека, который умер и снова возродился в новом качестве, – она не придумала ничего лучше, чем Нойман – буквально, «новый человек». Незамысловато, но Рёстлеру понравилось. О разговоре забыли. Но после того, как Ройтер перестал отвечать на запросы, на них отвечал некто Нойман, находящийся примерно в тех же координатах. Слабая, но надежда. Вера в Бога и молитва – единственное, что у нее осталось. Пути господни неисповедимы, а значит, не стоит пытаться постичь смысл той великой мистерии, которую разыгрывает Создатель. Надо любить и молиться. Все-таки она – солдат. Пусть от нее мало что зависит, но свое архивное дело она будет выполнять, как положено истинно верующей исполнять епитимью. Такова ее судьба. Но ведь, если задуматься, судьба-то не такая уж и злодейка. Вероника не была красавицей и хорошо это понимала. По сравнению с той же Эрикой у нее не было шансов – замкнутая, худенькая, бледная, в смешных очках типа «велосипед»... И Эрика – пышная красотка, менявшая мужиков как перчатки! Эрика презирала эту выскочку из Рейнланда. Презирала и завидовала. У этой драной сучки мало того, что есть... был... муж, так еще она умудрилась окрутить героического Ройтера, хлопая глазками из-за своей конторки, если б не этот заморыш – так Ройтер был бы ее, Эрики, навеки! Мужики вообще козлы – западают на кости и сиськи размером с прыщик! При этом их еще и убивают... «Неуставной» роман с Ройтером и шумные его последствия действительно могли бы привести Веронику на Восточный фронт, но вопреки стараниям недоброжелателей и флотских бюрократов этот роман привел ее в Берлин, на Принц-Альбрехтштрассе, под крыло могущественного Рёстлера, что могло считаться для невзрачной сотрудницы гарнизонной библиотеки г. Бреста просто-таки головокружительной карьерой.

* * *

Сурабайя – это вовсе не курорт, как могло бы показаться. Остров Ява. Есть в нем какое-то таинственное завораживающее величие. Конусы курящихся вулканов – они почти всегда в голубом тумане, но кажется, до них можно дотянуться рукой – так они огромны. Буйная яркая растительность контрастирует с черной пепельной землей. Нелепые расписные джонки местных рыбаков – со сталью японских крейсеров. Ройтер, безусловно, знал о мощи японского флота, но увидеть самому воочию – совсем другое дело.

Японцы очень трогательно тоскуют по дому. Везде, где бы они ни были, они непременно организуют уголок – маленький кусочек Японии. Подводников разместили на очень изящно оборудованной вилле. Японцы жили здесь и раньше, во времена еще Голландской Ост-Индии. О прежнем владельце ничего известно не было, но одно несомненно – вкус у него был отменный. Рядом с домом имелся просторный, по японским меркам даже, наверное, слишком, закрытый со всех сторон от посторонних глаз дворик, где журчал ручей, переливаясь по причудливо уложенным камням, пели птицы, и, казалось, ничто не напоминало о войне. Ее как будто и не было. Если бы не напряженная жизнь военного порта, которая постороннему человеку не понятна, но здесь-то все в курсе дела. Ясно, что делают на горизонте вон те 2 тральщика. Ясно, что ушедшие в утреннюю дымку звенья торпедоносцев отправились вовсе не на учебные стрельбы.

Но это уединение не было отдыхом. Почти 60 немецких моряков работали здесь от зари до зари, порой и в Дёнхольме⁸ не было таких нагрузок. Чем они здесь занимались? – Это надо было спросить у мастера Итиро Накамуры, который, похоже, издевался, а не преподавал курс спецподготовки. Одно из любимых занятий его было – посадить человека на циновку перед кирпичной стеной и заставить часами на нее смотреть. Это он называл «убрать из себя все лишнее».

---

⁸ Город на побережье Северного моря, где располагалась флотская «учебка».

Когда Ройтер обратился к нему с вопросом, когда же, наконец, начнется постижение неких древних сакральных учений, Накамура ответил: «Познавать следует только в том случае, если ты собираешься использовать это на практике...» И все. Думай что хочешь...

Еще мастер очень любил повторять: «Вас – нет! Сначала надо – быть!» Надо заметить, что процесс не был односторонним. Немцы не только учились, но и сами обучали. У японцев была очень запущена локация. Настолько запущена, что не понятно, как они все это время вообще могли воевать. У них не было шноркеля, даже в проекте, самые примитивные сонары, ну и так далее. Единственное, чем японские лодки превосходили немецкие, – размерами. Но это очень сомнительное достоинство для субмарины. Ройтер так и не смог до конца привыкнуть к этой здоровенной дуре-«девятке». «Семерка» куда лучше. Маневренность – выше, удерживать на глубине – проще. Неброское, но очень эффективное оружие. А эта... Не погоняешься на такой за корветами.

Необычной казалась японская кухня. В то время как основная часть японского подплава питалась в основном консервированными бататами, вкус которых оставлял желать много лучшего, здесь, на вилле, в рационе была рыба, привязанная к микроскопическим котлеткам из липкого риса листьями морских водорослей, блюда из рисовой же лапши, курятина и свинина. Пиво японское казалось странным, и не пиво это вовсе, но уж точно лучше, чем французская моча молодых осликов.

Дни шли. Рутинная физическая подготовка, включавшая довольно сложные упражнения, обязательное для офицеров фехтование на самурайских мечах, сменялась такой же рутинной медитацией и изучения писаний древних самураев. Очень тяжело давался язык. Трех мидовских переводчиков на всех не хватало. Ройтеру еще как главе миссии, а он старший офицер колонии – лицо практически официальное, переводчик полагался, но он, понятное дело, не мог следовать за ним как тень. Так что хочешь не хочешь, а узнавать язык надо. Кто-то из французских поэтов, кажется, говорил, что язык – это душа народа. Да... вот уж самих французов это касается в полной мере – сами козлы и язык козлиный, а понтов-то! Коньяк и шампанское мы не берем, что хорошо – то хорошо. Японцы другие. Они вообще сами по себе. Сумели сохранить на своем острове чистую, гомогенную расу. А эти их постоянные загадки – все сделано для того, чтобы чужак покопался-покопался, развернулся и ушел. Взять, например, фразу: «День, прожитый без мыслей о смерти, – зря прожитый день!» Накамура потребовал каждого объяснить, как он это понимает.

Ройтер ответил цитатой из Ницше, цитировал по памяти, не очень точно, но смысл был в том, что для сверхчеловека смерти как бы и нет. Накамура недовольно потряс своими седыми моржовыми усами: «Смерть отрицать глупо, – потом, поразмыслив, добавил: – Но и бояться ее тоже глупо. Постарайся сделать из смерти советчика, а не пугало. Самого мудрого советчика, который только есть у человека».

В качестве учебного пособия для изучения языка Ройтер избрал текст Имагавы Садаё, известного также под именем Рёсюн, самурая позднего средневековья. В Японии он считается образцом гармоничного сочетания воинских, управленческих и литературных талантов. Неделя ушла на то, чтобы самостоятельно прочитать и написать иероглифами: «Подобно воде, принимающей форму сосуда, в который она налита, человек повторяет хорошие и дурные поступки своих товарищей».

Весь 43-й год американцы довольно бодро захватывали острова. После остервенелой мясорубки Гуадалканала Япония как-то сникла и потеряла инициативу. Генеральное сражение тем и плохо. И потери сопоставимы, и вроде бы особого стратегического значения не имело то, что этот остров остался за союзниками, но последствия удара, нанесенного в этом бою японскому флоту и всей империи, оказались подобны коварной болезни с длительным инкубационным периодом. Ройтер еще в Германии, анализируя, сравнивал его с Ютландским сражением. Битвы, закончившиеся «вничью», очень опасны. Они могут лечь на любую чашу весов. Это

как в Black Jack, когда равное число очков, приходится удваивать ставки, а силы не те уже. И психологический надлом: не выиграли – значит проиграли. После таких сражений начинаешь понимать, что будущее отнюдь не за линкорами, а за авианосцами и подлодками. Оба японских линкора – а линкоры у японцев были что надо, больше «Бисмарка» – были уничтожены с воздуха.

К концу года немецкие гости в Сурабайе оказались нужны хозяевам. Атаке подверглись о. Бугенвиль и о-ва Гилберта. Бугенвиль – блокирован. Сложный фарватер, минирование, а у японцев нет подлодок, на которых можно осуществлять транспортные операции. Что ж, это хороший повод проверить возможности новой методики подготовки. Теперь стал ясен основной смысл занятий мастера Накамуры. Он заключался в том, чтобы экипаж научился предугадывать действия противника, по крайней мере, та часть экипажа, которая принимала решения. «Вы не видите врага – он не видит вас. Это как битва на мечах с завязанными глазами». Остальные должны были исполнять свои обязанности в режиме динамической медитации, как это делают самураи с мечами. Не видеть трубопровод, а чувствовать его, не смотреть на Паппенберга, а знать истинную глубину, и т. д. Иногда удавалось получить вид поверхности, ты – в лодке, а знаешь, что на тебя сейчас движется эсминец. Ты знаешь его курс, с высокой точностью предполагаешь маневры. Эти фокусы только-только начали получаться, рассчитывать на них было бы слишком самонадеянно, а посему шли атаковать американцев почти как в старой доброй Атлантике.

* * *

Памятник вышел что надо. Ройтер видел фленсбургскую газету, которую чья-то заботливая рука положила в дипломатическую почту. И все бы ничего, можно даже сказать, он ему понравился. Строгий, лаконичный, немного зловещий. Большая глыба темного камня, которую венчало стальное кольцо, внутри которого – каменная свастика. Но вот от одного было не по себе. Видеть на могиле (а ведь по идее это именно могила) собственные имя и фамилию. Ситуация как из картин Дали. Он видел то, чего ни один человек в мире не видел и видеть не может. Мастер Накамура смотрел на него с удовлетворением. «Преодолей страх смерти. Если ты не боишься умереть, – сказал он, – то тебе вообще нечего бояться. Ибо по сравнению со смертью все остальные страхи и тревоги – не более чем мыльные пузыри».

Глава 3 НА ТРАВЕРЗЕ ЗАНЗИБАРА

*Бывает, что лист тонет, а камень плавает.
Японская пословица*

6 июня 39 дивизий и 12 бригад англо-американцев при поддержке 12 000 боевых самолетов и свыше 6000 боевых, транспортных и десантно-высадочных судов нанесли удар по побережью Нормандии. Общая численность экспедиционных сил составляла почти 3 000 000 и продолжала увеличиваться, так как в Европу регулярно прибывали новые дивизии из США. Численность сил десанта в первом эшелоне составляла 156 000 человек и 10 000 единиц техники. Им противостоял фон Рундштедт с 4 армиями, растянутыми вдоль всего побережья. Шербург был отсечен почти сразу же и взят в кольцо. 17 дней он стойко защищался, но к исходу июня глубоководный порт был в руках британцев. Еще можно было собрать силы и сбросить противника в море, пока сопротивлялись порты. 16 июля был тяжело ранен Роммель. В августе 3-я армия генерала Паттона окружила Брест, Лорьян, Сен-Назер. Акулы Дёница оказались в капкане. Нужны были корабли. Любые корабли, которые способны были выходить в море. И командование решило свернуть работы по спецпроекту. Фридебург никогда бы так не поступил. Он, будучи ответственным за подготовку личного состава, считал всяческие «ускорители» учебного процесса кощунством. Но ситуация диктовала свою логику действий...

<...> Любое транспортное средство противника, предназначенное для высадки десанта, даже если оно доставляет на берег полсотни солдат или один танк, является целью, требующей полного боевого применения подводной лодки. Если нужно приблизиться к десантному флоту противника, то не следует считаться с опасностью мелководья, или возможных минных заграждений, или какими-либо другими опасностями. – Каждый человек и каждая единица оружия противника, уничтоженные ДО десантирования, снижают шансы противника на успех. – Лодка, которая при десантировании противника нанесет ему потери, считается выполнившей свою задачу и оправдавшей свое существование, даже если она там и останется!

Штаб Oberkommando der Kriegsmarine

Как больной старик, чувствуя, что дни его сочтены, призывает к смертному ложу сыновей, так и фатерлянд бросил клич, и сыновья потянулись со всех концов мира. Всем было ясно – судьба войны решается сейчас не в Коралловом море и не на Филиппинах. U-797 отправилась в дальний путь. Они оставляли Европу совсем другой. Это был пусть и не идеальный, но дом. А сейчас... Гамбург и Киль лежали в развалинах. Русские рвались к Восточной Пруссии, Балканы были объаты огнем гражданской войны, Южная Италия находилась под контролем англо-американцев. И верные сыновья Империи, стекаясь к больному отцу со всех концов мира, думали, как и всегда думают в таких случаях, – успеть бы.

В начале августа Ройтер получил шифротелеграмму от Гиммлера. А перед этим 21 июля радио поймало чудовищную новость. Столь чудовищную, что поначалу все отказались верить. Совершенно покушение на фюрера! 4 человека убиты, и 3 еще умерли в госпитале. Что же происходит на родине? Это же предательство лучших представителей офицерства! Путь обратно в Брест был непростым. Они четырежды имитировали выход. Американские эсминцы готовы были тотчас ринуться на добычу. Кто-то и в Сурабае хорошенько подстукивал. Где они – простые пути, явно ими ходит кто-то другой, а не Хельмут Ройтер. И первый удар судьба нанесла еще задолго до Атлантики. На траверзе Занзибара разразился невероятной силы шторм. Каза-

лось бы, ну и что такого – шторма часть работы моряка. Но этот шторм Ройтеру запомнился надолго. Старший помощник Унтерхорст отправил вахту вниз, рассчитывая сам войти последним и задраить люк. Но почему-то не спустился. Его ждали полминуты, минуту, но вместо старпома в люк хлестала морская вода. Штабсобербоцман решил проверить, в чем дело и почему так долго копаются старпомом, но, высунув голову на мостик, он старпома не нашел. Старпома просто смыло за борт. Целые сутки они бороздили бушующие воды. Сам Ройтер не покидал мостик 25 часов подряд, был расстрелян весь запас сигнальных ракет, но старпома не было видно. Тусклый луч прожектора, как мог, боролся с непроглядной тьмой. Ночь, день и следующую ночь они носились по волнам, уничтожая драгоценный соляр. Наконец командир был вынужден признать – выжить в таких волнах в течение суток невозможно. И, чтобы не подвергать опасности всю лодку целиком, Ройтер приказал прервать поиски. Могилой стального Унтерхорста стало море. Ройтер не мог даже вообразить, насколько этот суровый человек окажется для него дорог. Погиб старпом – как будто убили часть его самого. А уж то *как* он погиб, это была настоящая подлость со стороны бога и океана.

Эти силы и раньше были не очень-то дружелюбно настроены к Ройтеру, а тут, видимо, совсем осатанели... «Каталины» стали появляться уже от экватора. Отдаленные шумы свидетельствовали – эсминцы теперь ходят группами по 3–4 штуки. Атаковать такую группу – самоубийство. Быть застигнутым ею врасплох – верная гибель. С небес сыпались бомбы, с поверхности воды смертоносный «еж» с сухим треском выплевывал свой жуткий груз. Детектор радарного излучения едва успевал справляться со своей работой, команда «срочное погружение» в этом походе звучала, пожалуй, чаще, чем за весь год до этого. Открывать огонь по самолетам было невозможно. Слишком сильно штормило на всем протяжении пути. Да и бомберы теперь изменили тактику: прежде чем в корпус самолета будет отправлено нужное количества стали и свинца, он уже засыплет тебя с головой. Это не одна или две несчастные бомбы, установленные на среднюю глубину, как на «Сандерлендах», это целый дождь, от которого пару раз вскипала вода вокруг лодки, и только чудо спасало отважный экипаж. Лодка Ройтера шла под шноркелем, время от времени «тренируя» батареи, давая возможность им разрядиться почти полностью, затем снова поднимали шноркель. Ройтер экономил соляр. Он знал, что горючего в обрез, едва хватит до Бреста. А если вдруг придет сообщение о конвое, придется идти на самом полном, возможно, не один день. Что будет потом? – Полная неизвестность. Он не хотел умирать еще раз. Дома у него было много дел. Ладно, сейчас, в ближайшем обозримом будущем, главное – остаться в живых, что будет дальше – увидим. А если дальше не будет ничего – все, я умываю руки. **«Kein Zeichen, kein Kreuz wird, wo wir ruh'n»**⁹ – кажется, так писал Рудольф Грейнс. Подарок судьбы вдруг возник сам собой как бы из ничего. – Получена радиограмма! «Вас ждет топливозаправщик в квадрате DE 78! Сообщите ему ориентировочное время вашего прибытия. Если рвануть напрямую через Канары – то неделя получается...»

Всякий путь хорош уже тем, что не стоишь на месте. Есть точка А и точка Б, и если все в порядке, исправны двигатели, нет повреждений корпуса, команда жива и более-менее здорова, то с каждой минутой точка Б все ближе. Особенно если между двумя точками проведена прямая. И эта прямая как раз проходит через Канарские острова. Мы слишком шумны и неповоротливы, чтобы идти под водой днем. Мы идем по поверхности в сумерках. Самое время включать сверхчувствительные сенсоры. Медитирующий командир – это уж слишком. Пусть тогда медитирует и.о. старпома. Собственно, военный контакт не заставил себя долго ждать.

Туман и ночь скрывали 2 эсминца, они были там, в этой мутной мгле. И они учуяли лодку и готовы были ринуться и растерзать ее. Полные 20 узлов не давали Ройтеру никакого преимущества. Было ясно, что, если так пойдет и дальше, они рано или поздно настигнут лодку,

⁹ Строка из немецкой редакции песни о «Варяге» в русском переводе звучит, как «не скажет ни камень, ни крест, где легли...».

причем нырять под воду – не лучше. Единственный наш союзник – туман. Плотный, непроницаемый туман. Глубины, кстати, здесь не ахти. Ройтер ориентировался по шумам, которые уже несколько минут следовали точно в кильватере. И вот – минута истины! Ну, Накамура, молодец старик! Какое-то неведомое чувство заставило его взглянуть на эсминцы глазами старпома. Их зрительные поля как будто объединились, и вот он шепчет «Кормовой, пли!» ни секундой раньше, ни секундой позже. След белых пузырьков за кормой растянулся и разорвался. Торпеда распрощалась с теплым чревом лодки. Теперь за ней свои пузырьки, и дай бог, чтобы с эсминцев их не заметили в такой серой каше. Даже прожектора ее не пробивают, а ведь между ними и «томми» всего каких-нибудь миля-полторы. Не больше...

Неожиданный громовой раскат, сопровождающийся сухим треском и вспышкой, похожей на вспышку молнии, заставил вздрогнуть. В туманной пелене не было видно разрыва. Был только отсвет и грохот. Эсминец на полном ходу наскочил на ройтеровскую торпеду. Наверняка именно тогда, когда выполнял зигзаг. Удар пришелся прямо в топливные баки в первой трети корпуса. Ройтер подумал, какой шок должен был испытать капитан идущего рядом второго эсминца: вот так в ночи несешься на самом полном за уже практически поделенной добычей, и вдруг тебе из тьмы приплывает смерть. Да ладно бы приплывает. Это даже престижно, что ли... Смерть медленно выплывает. «Ты кто? Я часть той силы...»¹⁰ – ну и так далее. Почесали языки и медленно, чинно отправились на борт в распоряжение фрегаттенка-питана Харона. А тут бам-блям! Бежал-бежал, а как будто споткнулся и нелепо распластался.

– Надуть балластные цистерны! Два румба право руля! – Ройтер резко изменил курс. Причем намеренно алогично. Он пошел в сторону материка, хотя спасительный открытый океан было в противоположном направлении. Шумы второго эсминца стали слабеть. Возможно, благоразумный командир решил, что более благородно и уж конечно куда как более безопасно оказать помощь коллегам. Если там, конечно, кто-то остался после такого. Ройтер представил, как корпус корабля со скоростью 20 узлов входит в волны, вместо носа у него зияющая дыра, из которой водопадом изливается горящий соляр, а винты еще крутятся. Несколько секунд – и он под поверхностью. Из более сотни человек команды спасутся 1–2, если, конечно, спасутся...

В общем, дело сделано, Славься, победа!

Принято сообщение – новая база Сент-Назер!

– Оп-па... почему это?

– Очевидно, Брест захвачен англичанами... – растерянно проговорил Функ.

– Брест захвачен?

– По крайней мере, окружен.

– И спастись оттуда уже не получится!.. Что говорят по радио? Функ! Срочно найдите мне, что там происходит!

Нет, чванливые «томми»! Так просто у вас ничего не выйдет! Только что Ройтер начал новый отсчет военным успехам Германии! Мы раскрутим маховик обратно! С этой морской мили начнется наше триумфальное наступление, и мы сметем с лица земли ваши базы в Норфолке и Рейкьявике! Мы атакуем Нью-Йорк армадами наших бомбардировщиков, которые поднимутся с аэродромов на Кубе. Мы соберем все силы в бронированный кулак и нанесем сокрушительный удар! Гибралтар уйдет под воду, охваченный дымом пожаров. Мы отомстим за наших товарищей. За тебя, Шепке, за тебя, Кречмер, за тебя, Унтерхорст!..

Ройтер стоял на мостике, пригнулся, уклоняясь от брызг волн, разбивающихся об ограждение рубки, когда лодка шла на 20 узлах подальше от противолодочной обороны Азорских островов. В трубах еще оставались торпеды.

---

¹⁰ Неполная цитата из «Фауста» Гёте.

Глава 4 «БАНЗАЙ!»

*«Asdik» kratz nach der Aufenhaeu.
Was hat mich in See getrieben?
Nur die Liebe
– Der Hass ist zu schwach.¹¹*

Хайку Ройтера

– Мы получили данные авиаразведки. Из Скапа-Флоу выдвинулась большая авианосная группа: 2 ударных авианосца, один эскортный и не менее 20 кораблей сопровождения. Они движутся в открытое море. Если им удастся прорваться на оперативный простор – то все! Операции флота Германии в Северном море будут прекращены. – Острые черты адъютанта гроссадмирала при тусклом освещении выглядели мрачно, можно даже сказать, зловеще. Он как всегда четко, отрывисто докладывал самую суть, без эмоций, без суеты.

– Что мы можем противопоставить? – Дёниц склонился над картой. Это был лишний вопрос. Он и сам знал, что нечего. Надводный флот был истрепан постоянными бомбардировками. Да, на Балтике был «Принц», но то на Балтике. На мелководье в базе кверху килем лежал «Адмирал Шеер», получивший несколько попаданий крупных авиабомб, неподалеку, просев на носы, упиралась в грунт «Хиппер» и «Эмден». Некогда грозный флот сейчас находился в нокдауне. И неизвестно, что было сегодня опаснее – находиться в доках Киля или в открытом море. В море, по крайней мере, твои координаты все время меняются. Хоть какая-то надежда.

– Ближайшая наша база – Тронхейм, – продолжал Люде-Нойрат. – Там «Тирпитц», он приведен в боевую готовность, в сопровождение к нему можно дать 2 эсминца. Минимальное воздушное прикрытие. Подводные лодки... U-890 U-796... Две....

– Не густо... – вздохнул Дёниц. Воцарилась пауза. Повторялась история той войны. Германский флот открытого моря заперт в Киле, Вильгельмсхафене, Гамбурге. Разница лишь в том, что теперь бомбы стали куда мощнее, и радиус действия авиации в разы больше.

– Вчера в Берлин прилетел Нойман, – тихо сказал Люде-Нойрат. – Через пару часов он будет в этом здании.

– Кто? – как-то неуверенно переспросил Дёниц. Он помнил всех своих командиров по именам, и среди них не было Ноймана.

– Конрад Нойман – проект «Ипсилон».

Дёниц укоризненно посмотрел на адъютанта.

– А... Капитан-колбаса... – усмехнулся гроссадмирал. – Этот, пожалуй, рефлексировать не будет. Он, насколько я понимаю, подчинен Гиммлеру. Теперь. Да что может сделать один Нойман? Наверное, он лучший, но он один.

– Гиммлер, думаю, не станет возражать. Как раз проверка для его оккультного чудоружия. Да и Ройтер все-таки не один. «Тирпитц», группа эсминцев, авиация... Можно создать ударную группу из лодок Тронхейма и Бергена. Если ударить одновременно и внезапно, можем рассчитывать на успех.

– Жертва ферзя? – усмехнулся Дёниц. – Пожертвовать флагманом, чтобы выиграть качество. Не повторяем ли мы ошибки Гюнтера?¹²

---

¹¹ «Асдик» скребет по обшивке. Что погнало меня в море? Только любовь. Ненависть слишком слаба.

¹² Лютьенса. Решения, которые принимал командующий эскадрой, состоящей из однотипного с «Тирпитцем» «Бисмарка»

* * *

В зал заседаний, придерживая неуставной в Кригсмарине кю-гунто¹³, вошел офицер. Несомненно, это был весьма заслуженный офицер. Об этом говорил хотя бы Рыцарский крест с мечами. Но выглядел он весьма странно. Эсэсовские петлицы на морском кителе вообще смотрелись неожиданно, могло сложиться впечатление, что черный мундир выцвел. Или застиран. Экзотический японский кю-гунто тоже мало походил на штатный кортик. Надо сказать, что кю-гунто у этого офицера был такой, что не всякому японцу по чину. Клинок его был изготовлен мастерами провинции Бисю лет 200 назад. Говорят, у самого Ямады такой же. На груди вошедшего позвякивала звезда «Восходящего Солнца». Его ведь и вызывали в Берлин, в посольство Японии, чтобы вручить эту весьма высокую и престижную награду¹⁴. Дёниц встал навстречу этому странному «японцу». Долго не виделись, год на войне, как известно, идет за 3. Но вошедший отличался от того, которого знал Дёниц. Голландский пластический хирург в Сурабае постарался. Теперь у Ройтера была не только новая фамилия, но и лицо.

– А глаза остались те же, – улыбнулся Дёниц, крепко пожимая руку Ройтеру. – Простите, что без лишних слов перехожу к делу, но у меня есть для вас работа. Тяжелая работа.

– Слушаю вас внимательно, господин гроссадмирал!

– Вы получили лодку нового типа. Как она вам?

– Отличная машина! – выпалил Ройтер. – Просто блеск! Одно плохо! Нет кормовых торпедных аппаратов!

– Вы освоились с ней?

– В общем, да, швартовые испытания прошли. Прошли успешно. Ходовые проводим. Ребята быстро учатся.

– Как скоро вы можете выйти в море?

– После моего перелета в Берген – через 24 часа.

– У вас ведь есть опыт взаимодействия с линкорами класса «Бисмарк», – Дёниц хитро прищурился.

– Опять битва с привидениями?

– Хуже. В этом районе, – Дёниц очертил указкой круг на карте, – к вам присоединится группа «Тир-питца»: линкор, 2 эсминца, U-890, U-796. Цель – авианосная группа союзников. 3 авианосца, 2 легких крейсера. Эсминцы... – Дёниц вздохнул, – много. Нужно не допустить прорыва этой группы в Северное море на оперативный простор...

– Понятно...

– Вы можете отказаться. Поверьте, Ройтер, это не отразится на вашей дальнейшей карьере.

– Нет. Я готов. Опробовать новую лодку в бою с такой престижной целью, как авианосец, – самое то, что нужно.

– Ну, что ж, удачи тебе, сынок, подробные вводные получите у людей Фридебурга.

– Яволь, герр гроссадмирал!

– Ладно, без чинов, камрад Нойман! – Дёниц специально употребил это эсэсовское «камрад»¹⁵ и похлопал Ройтера по плечу. – Удачи! Она вам ох как пригодится...

и «Принца Ойгена», считались неоднозначными.

¹³ Японский морской меч. Часть парадной формы японского морского офицера. Общая длина в ножнах около 800 мм. Максимальная ширина клинка – 27 мм.

¹⁴ У Ордена Восходящего Солнца существует всего 8 степеней. Быть отмеченным в Японии для иностранца – и вправду нужно было совершить нечто из ряда вон выходящее.

¹⁵ В боевых частях СС культивировалось не типичное для армии и флота панибратское отношение между военнослужащими.

Спустя двое суток на Уайтхолл, 26¹⁶, офицеры-шифровальщики получили текст, который после дешифровки выглядел так:

Сэр! Согласно данным, полученным мной, координаты авианосной группы, находящейся в квадрате AN 46, известны высшему командованию Kriegsmarine. Готовится атака группы, в которую предположительно войдет линкор «Тирпитц», а также группа U-boot, оснащенных самым современным секретным оружием. Принципы действия указанного оружия мне не известны, но несомненно то, что оно превосходит всё, что имелось в Kriegsmarine ранее. Необходимо всеми наличными средствами не допустить соединение «Тирпитца» и U-boot-группы, усилить противолодочную оборону, а также по возможности изменить курс эскадры.

«Фрайбол»

* * *

U-2413 и вправду была шикарной субмариной. Ройтер был в восторге от новой лодки. Восторгу добавлял и тот факт, что номер боевой единицы Кригсмарине давал в сумме 1 – это ж специально не подгадаешь, а тут сама судьба распорядилась!

– Значит, так, – инструктировал Ройтер Карлевитца и Зубоффа, – загружайте акустику. Побольше – все, что есть в базе. Загружайте парогазовые – эти старушки на ближних дистанциях – то что надо. Змейки – не берите много – 2 достаточно. Не будет у нас возможности атаковать с больших дистанций, уж это точно.

Ройтер дал возможность всем высказаться. Кто не верил в успех – могли остаться. Не остался никто. Они вышли в море.

Ждать всегда тяжело. Особенно когда ждешь смерти. Она придет обязательно. Шансов в таком столкновении нет. Но врагу победа не достанется легко. За каждого нашего мы возьмем десятки и даже сотни их. Пусть Вотан потом разбирается, кто чего стоит. Но почему-то в этот раз Ройтером владело абсолютное спокойствие. «Смерть все равно придет рано или поздно... – вспоминал он слова старого Итиро Накамуры. – Важно, насколько ты готов к тому, чтобы она пришла, и встретил ее как подобает самураю».

– Господин гауптштурмфюрер! Командующий вызывает!

– Здравствуйте, Хельмут! – послышался в динамике голос Дёница. – Я боюсь, что сегодня принес вам неважные новости.

– Здравствуйте, гроссадмирал! Мы тут привыкли к скверным новостям, так что весь внимание...

– Нойман! Вчера авиация союзников потопила «Тирпитц». Вам придется сражаться в одиночку. Бомбардировщики в этот квадрат не долетят. Не хватит горючего на обратный путь. U-796 атакована с воздуха и вынуждена вернуться на базу (пауза), с U-890 потеряна связь.

– Понял вас, господин гроссадмирал.

– Возвращайтесь, Нойман!

– Нет... это уже и так очень далеко зашло. Я атакую авианосцы.

– Ройтер! Я не могу вам приказать умереть! – голос гроссадмирала сорвался. Он выдал в эфир недопустимое «Ройтер» и был очень зол на самого себя.

– Если самураем стоит на распутье, то ему следует выбрать ту дорогу, которая ведет к смерти... – задумчиво проговорил Ройтер. – Позвольте надеяться, господин гроссадмирал, что время, проведенное у союзников, пошло мне на пользу.

---

¹⁶ Здание Старого Адмиралтейства в Лондоне.

– Но приказ атаковать авианосную группу в одиночку с таким эскортом – это самоубийство, – воскликнул Дёниц.

– Хорошо, значит у меня есть время еще написать хайку.

– Что?

– Самураи пишут хайку, прежде чем совершить самоубийство, традиционное японское трехстишие, – пояснил Ройтер.

– Да вы там, смотрю, совсем японцем стали... Ладно. В сторону сантименты... А может, вам повезет? Ведь вам всегда везет... – гроссадмирал запнулся, – Нойман. От вас зависит судьба Германии. Я не говорил вам такого раньше... Страна надеется на вас. Если вы не справитесь с этой задачей – то кто справится?

– Я понял, господин гроссадмирал. Я не погибну. Не в этот раз, как говорят англичане, – добавил Ройтер.

– Да пребудет с тобой бог, мой мальчик.

– Я не погибну, папа, – прошептал Ройтер мимо трубки, когда разговор окончился... Можно считать, что им приказали совершить сэпоку. Это был его Буси-До. На камикадзе он посмотрелся в Сурабайе. Так что, если такое могут япошки, почему бы ему, потомуку нибелунгов, этого не мочь...

* * *

– Карлевич, а вы знаете, что в этот день в 1918 году моряки захватили резиденцию канцлера и взяли Эберта под арест? – Ройтер иногда специально произносил фамилию старшего офицера-торпедиста на манер швабских евреев. Это была такая шутка. И призвана она была поддержать боевой дух подчиненных.

– Теперь знаю, господин гауптшурмфюрер! – отчеканил Карлевич.

– Осмелюсь заметить, господин гауптшурмфюрер, – встрял Зубофф, – что в этот же день родился Оттон I Великий¹⁷.

– Это верно. Я к тому, что сегодня, скорее всего, один из тех дней, которые обычно попадают в историю...

– Контакт! – донесся голос акустика. – Военный корабль, скорость высокая, приближается!

– Контакт!..

– Контакт!

– Да это они. AN 46 квадрат восточнее Гринвича. Всплыть под перископ! Включить электромоторы подкрадывания... – Враги сошлись на встречных курсах. Впереди шли 2 эсминца. Далее Ройтер различил 2 авианосца, легкий крейсер, танкер и эсминцы, эсминцы без счета... Впереди уверенно, по-хозяйски на прямых курсах шли эсминцы, тип «J» и «Хант», чуть дальше, образуя равнобедренный треугольник, легкий крейсер «Дидо». Ничего не бояться...

На лодке закипела работа. Мгновенно «палата лордов» наполнилась шуршанием роб и звоном цепей торпедных талей. Все делалось без слов. Только взгляды, частое дыхание, лязг железа.

– 3-й – товсь! Цель – эсминец тип «J».

– Есть товсь!

– Пли!

– Разворот на 15 градусов Норт! 4-й товсь!

---

¹⁷ Крупнейший представитель саксонской династии германских королей, Оттон после подчинения Северной и Средней Италии в 962 г. основал Священную Римскую империю, первым императором которой он и стал.

Две «акустики» ушли с шипением в море. Зарядка на 21-й серии была куда быстрее, чем на 7-й. Одна свинка грузилась не более 3 минут.

Контакт! Военный корабль, скорость высокая, приближается!

– Ого, да тут эсминцев немерено! – процедил Зубофф.

– Легкий крейсер «Дидо»...

– 2-й товсь!

Ройтер вычислил авианосец и успел повернуться почти на 90 градусов, когда был засе-чен сонаром с типа «J». Но было уже очень поздно. «Тихие моторы» сработали отменно. Оба эсминца рванулись к нему, но это были уже практически смертники – у обоих в кильватере бултыхались хрюшки, и их электромеханическое «ухо» отчетливо поймало шум винтов. Почти одновременно прозвучали 2 взрыва. Это означало уничтожение 2 кораблей эскорта и... полную демаскировку лодки. Авианосец и легкий крейсер начали маневр уклонения. Красиво. Как «все вдруг». Но снова поздно. Очень поздно! Авианосец взял право на борт и ушел от одного белого буруна, но 2 других воткнулись в борт, как на учениях. Торпеда, прошедшая мимо, досталась крейсеру. Эсминцы, корветы, шлюпы, бывшие здесь в бессчетном количестве, устремились к тому месту, где по всем законам тригонометрии должна была находиться лодка. Ройтер приказал уходить двойным разворотом на глубину, а затем вынырнул в корме у «Ривера».

– И этому хрюшку под жопу – тоже! – скорость лодки под водой достигала 17 узлов, что сопоставимо со скоростью эсминца... И Ройтер уходил от преследователей, маневрируя на перископной глубине. Порой он чувствовал себя богом. Особенно когда вокруг зашипели заряды «ежа». «Полный!» – и они уже за кормой опускаются на заданную глубину. Никто не ставит их на 12 метров! А зря!!!

При любой возможности он выплевывал одиночные парогазовые торпеды прямого хода в сторону авианосцев, но волнение поверхности мешало как следует прицелиться... Серебристо-белые следы при сражении с такой кучей кораблей имели неожиданное дополнительное преимущество. Они создавали панику среди эскорта. Зубоффу на секунду удалось захватить визиром танкер-топливозаправщик. Этот неуклюжий нефтевоз едва поводил носом вслед за всем ордером, перешедшим на зигзаг, но прытью авианосцев не обладал. На лодку накинулись уже 3 эсминца, бомбы сыпались в воду градом, англичане, казалось, не оставляли врагу ни единого шанса, но Ройтер выворачивался как угорь. Эх... не хватает кормовых... но там, на их месте, турбина, позволяющая давать нам 17 узлов.

Над полем сражения появились 4 «Хейнкеля». Навстречу им с авианосцев роем устремились «Харрикейны». С лодки не было видно результата, картинка прыгала. Небо – море – небо – надстройка корабля – небо. Ройтер уже пару раз видел, как над перископом проносились самолеты. Атаковали ли они? Или не они? Или это «еж» заставлял волны накрывать окуляр? Пока ему удавалось уворачиваться... Зубофф, наблюдавший в зенитный перископ, видел чуть больше. Строй бомбардировщиков рассыпался, и они ввязывались в бой с истребителями, как тяжелые четырехмоторные машины, делали бочки, чтобы уйти из-под перекрестного обстрела. «Харрикейн» задымил и стал заваливаться на крыло. Один «Хейнкель» тоже превратился в огненный шар, он так и не успел сбросить ни одной бомбы. И, уже объятый пламенем, сыпал их, не жалея. Перископ накрыло огромной волной.

Эсmineц W&V совершал боевой разворот прямо на Ройтера.

– 1-й пли! – скомандовал Ройтер, когда тот был на 40 градусах. Мимо. Торпеда ушла в направлении кораблей противника, оставляя призрачную надежду на то, что, возможно, она кого-то достанет в этом хаосе.

– 2-й пли!

Эсmineц вдруг резко повернул на 90 градусов и пропустил хрюшку перед носом. Мимо. «Нет! Ты так просто не уйдешь! Я тебя все-таки достану!» – прорычал Ройтер. – На третьем какая глубина?» – «3 метра!» – «Отлично – третий, пли!»

– С 500 метров – не более Ройтер выпустил торпеду точно в форштевень эсминца. Хрюшка «поднырнула» под нос корабля, поднятый волной, и ударилась о киль в районе кормы. Взрыв! Как апельсины из перевернутой корзинки, в воду посыпались глубинные бомбы, часть на взводе, часть – просто безвредные бочки. Эсминец и лодка шли на предельных скоростях встречными курсами. Корабль, получив повреждения, начал проседать на корму и к моменту, когда они встретились, уже был довольно сильно подтоплен. Развороченная корма ударила в боевую рубку лодки. И хотя U-2413 к тому времени имела значительный дифферент на нос (Ройтер отдал приказ на уклонение и погружение), избежать сильного удара не удалось. Чудовищный скрежет, гулкий звон металла о металл, лодку трянуло так, что командира отбросило к стене боевой рубки. В центральный пост хлынула вода. Последнее, что увидел Ройтер, – яркая вспышка света, снова оглушительный грохот, как будто катилась по булыжной мостовой пустая металлическая бочка, а дальше... – дальше тишина.

* * *

Морская война, пожалуй, не столь безобразна, как сухопутная. На море не остается ни гор трупов, ни сгоревших городов, ни выжженной земли, ни битого кирпича. Покореженные стальные монстры исчезают в пучине без следа. Изуродованные тела и мусор разносятся волнами на сотни миль, и через сутки невозможно уже догадаться, что на этом месте только что пылал огонь и гибли люди. Все скрыла поверхность вод. И над ними раскинулся шатер небес. Все чинно и величаво. Волны как катились, так и будут катиться своим курсом, чайки, расправив крылья навстречу ветру, как носились над жидким топазом вод – так и будут носиться еще и через 100 и через 200 лет.

Сумерки, пришедшие с Востока 24 ноября 1944 года, застали центр 46-го квадрата в следующем состоянии. На волнах, выпуская черное пятно соляра, дрейфовал корпус авианосца. Часть самолетов, те, что не успели взлететь, а таких было большинство, съехали с палубы и оказались в воде. Они раскачивались на волнах, как разбухшая пачка сигарет в весенней луже. Решения покинуть корабль пока не было. Но и двигаться самостоятельно он не мог. По прилегающей акватории барражировали 2 эсминца. Они остервенело кидали в воду бочонки глубинных бомб, воздух сотрясали разрывы а из воды поднимались белые фонтаны. Вдалеке догорало нефтяное пятно от заправщика. Печальный итог битвы: 5 эсминцев, 1 крейсер, 1 вспомогательный корабль-заправщик – потоплены. 1 ударный авианосец – поврежден. Можно считать – тоже потоплен. Он практически непригоден к буксировке. С одной стороны. С другой – 4 самолета и одна подводная лодка...

Дёниц находился в подавленном настроении. Он боялся спрашивать про судьбу U-2413. Но спрашивать было нужно. Он не удивился, что связь с лодкой потеряна. Такое бывало с Ройтером не однажды, он не удивился тому, что потеряны все 4 бомбардировщика. Так должно было произойти. Ребята знали, что даже в том случае, если все пройдет успешно и они отбомбятся как положено, на обратную дорогу у них не хватит топлива. Максимум, на что они могут рассчитывать, – это надувной плот и... плен.

– Господин гроссадмирал! Господин гроссадмирал! Они повернули!

Авианосная группа, понеся потери, изменила курс. Теперь она шла на север, еще видимо до конца не отказавшись от своих амбиций. Во всяком случае, кучка «камикадзе» смешала карты англичан. Без заправщика такая орава не сможет действовать активно. Теперь их путь либо назад, описав небольшой круг, либо в Мурманск к союзникам.

– Все-таки он сделал это...

Дежурный офицер положил перед Дёницем сводку. Ройтер выполнил свою боевую задачу. Он снова победил... Вот только что-то радости от такой победы было немного. Перед

глазами гроссадмирала проплывали картины. Ройтер с обычным своим хулиганским прищуром печатает шаг по качающейся палубе лодки – в бинтах и копоти после «Бисмарка». Ройтер во время награждения своим первым Железным крестом. Ройтер на отходящей от пирса IX D2 – отдает честь. Это был последний из могикиан. Ас еще довоенного призыва. Он презирал смерть, он был настоящим рыцарем моря, потомком викингов, но смерть догнала его, как рано или поздно догонит каждого, кто осмелился бросить ей вызов. Бессмертных на этой земле и в море нет.

Год назад оберлейтенант Хельмут Ройтер погиб за родину и фюрера. Сегодня за родину и фюрера погиб гауптштурмфюрер цур зее Конрад Нойман. Не каждому в этом мире выпадает такая яркая завидная судьба.

Англичане ушли на север. Норвежские базы в безопасности... Никогда более ВМФ его величества не пытался их атаковать. Впрочем, оставалось не так уж и долго до окончательной развязки. И она приближалась неумолимо.

* * *

– Господин штурмбаннфюрер! Камрад Ройтер! – услышал Ройтер голос Карлевитца. Тьму прорезал свет переноски. Он был не ярким, но бил по глазам как меч. Тишина превратилась в гулкое уханье полого чрева подлодки. Где-то травило воздух, искрились порванные провода и люди ковырялись на нижнем ярусе.

– Б...ь! Карлевич! Ну какого х...! Мне Шепке уже наливал... – начал Ройтер нарочито недовольно. Может быть, такая бравада поднимет дух команды.

– Не... Вы нам нужны, командир! – Карлевитц улыбался.

– Вы отключились, командир. Вам досталось при ударе.

– Голова не варит вообще... – стал раскачиваться Ройтер, обхватив череп руками. В ушах стоял звон. Но звон звоном, а другого командира пока на лодке нет.

– Карлевич! Доложите обстановку.

– Обстановка такова, командир. Мы на дне. Балластная цистерна повреждена, воздух с нее стравлен. Команда занимается ремонтом. Ее восстановят примерно через 1 час. Правый электродвигатель разрушен. Левый в норме. Моторы бесшумного хода в норме. Дизеля повреждены. Возможность ремонта выясняется. Разрушен шноркель – ремонту не подлежит. Вероятно, при ударе о грунт мы зарылись кормой. Винты заклинило. Разрушена радиоантенна, радар, короче, все, что было в боевой рубке.

– То есть даже если цистерну восстановят, мы не сможем в нее накачать воздуха, достаточного для подъема лодки... Круто, ребяташки!

– Ну и какие предложения поступят от господ офицеров? Чем нам наполнять цистерну главного балласта?

– Вообще-то есть шанс, – проговорил Рах, – шанс есть... но кто-то должен рискнуть... короче. Мы на глубине около 100 метров. Шланг у меня есть, там бухта – все 200. Во всяком случае, можно нарастить. Хомуты есть, трубки есть. Можно попытаться протащить его через отверстие шноркеля, поднять один конец наверх и удерживать там с помощью буя или спасательного плота. По шлангу мы накачаем воздух. Нужно только убедиться, что англичане ушли.

– Да х... тут ушли!. Они вон уже 12 часов подряд бомбят не переставая... У них что, бомб без счету?

– Видимо, им подвозят... – ухмыльнулся Зубофф.

Нужно дождаться темноты. Плот могут увидеть не сразу... а потом – ну и что, ну плот.

– Да лишь бы они его не расстреляли тут же.

– Ничего не получится, – отрезал Ройтер. – Наше водолазное снаряжение не способно выдерживать такой подъем. Это кессонная болезнь – гарантированно. А времени, хотя бы полчаса, у нас нет. Воздуха не хватит.

Он сделал попытку подняться, нога соскользнула, и он нечаянно пнул валяющийся на палубе порожний огнетушитель. Баллон откатился к Зубоффу. Тот прижал его ногой.

– Камрады! – воскликнул старпом. – Есть идея! Этот баллон держит все 10 атмосфер. Если накачать в него воздух, хотя бы вот отсюда, – он ткнул в магистраль ВВД, – этого хватит, чтобы продержаться полчаса, может, чуть больше. Дышать можно через редуктор от газовой сварки...

Через 20 минут была готова новая водолазная экипировка. Зубофф взялся лично тестировать свое изобретение. Огнетушитель промыли и накачали в него кислорода из сварочного аппарата. Все это подключили к штатному загубнику. Для того, чтобы сделать глоток воздуха, нужно было отвернуть кран.

У механика шланга оказалось и правда много. Эту змею протащили через шноркель. Теперь оставалось преодолеть 100 метров. Как только Зубофф достигал поверхности и в шланг начинал поступать воздух – оставалось включить помпу, и воздух наполнил бы цистерну главного балласта. Несомненно, в такой ситуации, когда над тобой враг, продувать балласт опасно. Но ничего не делать и тихо умирать никто тоже не хотел. Может, там, на поверхности, нам удастся захватить какую-нибудь посудину, как в 43-м?

* * *

Лодку удалось оторвать от дна. Исправный электромотор вытащил ее из опасной зоны. Ночью всплыли. Прячась за облачность и дождевые заряды, из последних сил лодка ушла юго-юго восточнее и там уже запросила помощи. Способности экипажа U-2413 оценили несколькими наградами, после того как израненная лодка сумела достигнуть Бергена. Карлевитц наконец-то получил почетного арийца и Рыцарский крест, Ройтер-Нойман получил бриллианты на Рыцарский крест и именную перстень от Рейхсфюрера. Скромный серебряный перстень, на котором в виде букв «S» извивались два дельфина. Что ж, индустрия наглядной агитации работала исправно. Создавалась символика морских охранных отрядов Партии. Пока же к обычному морскому кителю просто добавились серебряные черепа и все. За успешную атаку авианосной группы все участники получили кресты. У кого были 2-й степени, получили 1-ю, у кого никакой – 2-ю. Сицилиец теперь вошел в экипаж с полными правами. Его было просто некуда отправлять. На его родине хозяйничали англо-американцы, а в сражении этот парень давал фору любому. От него Ройтер узнал, что по древнему сицилийскому обычаю, если клинок покидал ножны – он обязательно должен быть окроплен кровью, если же вдруг ситуация «рассосалась», то даже кровью хозяина. Мудро. Нечего вытаскивать из ножен оружие просто так.

Пока лодка находилась в доках, а пришлось практически ставить новую надстройку и двигателя, Ройтер был вызван к Гиммлеру.

– Японцы редко оценивают заслуги иностранцев, – говорил Рейхсфюрер, расположившись в огромном кожаном кресле, заложив ногу на ногу. – За что у вас «Восходящее солнце»?

– За снабжение острова Бугенвиль. Мы совершили 6 рейсов за месяц. Во время одного такого рейса нам удалось организовать из японцев некоторое подобие боевой U-boot-группы и предотвратить высадку десанта. Командовал операцией я.

– Вы лично потопили что-то? – Ох, издалека как заходит герр Гиммлер, вот Рёстлер тоже всегда так же делает. Не к добру это. Что вдруг сухопутного человека заинтересовали проблемы тоннажа?

– Да, десантную баржу и крейсер. Ну и там еще по мелочи. Скотовоз, шедший из Дарвина. Так что американцы остались без австралийской говядины.

– Да-да... На какое-то время остались... – рассеянно протянул Рейсфюрер, казалось, он хочет вспомнить что-то и не может. – Насколько полезной оказалась подготовка?

– Полагаю, весьма полезной. Мне удалось значительно повысить свои способности... И способности экипажа.

– Скоро вам придется иметь дело с удивительным оружием. Это нечто совершенно особенное. Будьте готовы к этому... Да, и еще... Нам пришлось перенести процесс частично на территорию Германии. – Рейхсфюрер сделал ударение на слове «частично». – Надеюсь, вы осознаете, сколь серьезна сейчас обстановка... Ройтер, вы нужны мне. Есть работа, с которой не каждому можно доверить справиться.

– Я понимаю.

– Никому другому поручить его нельзя. Слишком уж закрытая тема. В Пилау есть учебный центр Kriegsmarine, вам это известно.

– Да, известно.

– В этом центре находятся компоненты нашего... Вашего проекта. Их нужно срочно эвакуировать. Русские наступают, и промедление – смерти подобно.

– Я должен его вывезти на лодке?

– Нет, для лодки оно слишком громоздко. Гроссадмирал дает суда, надводные транспортные и пассажирские суда. Он превосходно организовал эвакуацию, надо отдать ему должное. Но то, что необходимо вывезти, – можно доверить только тому, кто уже включен в проект. Вся ваша команда целиком не понадобится.

Глава 5

26 КОНТЕЙНЕРОВ ИЗ ПИЛАУ

Камню, летящему в пропасть, есть множество причин не достигнуть дна.

Из синтоистского трактата

Сэр! Сообщаю вам, что в ближайшее время (не позднее 30 января) из Готенхафена структурами СС будет отправлен груз особой важности. Примите все меры для перехвата или уничтожения этого груза. Размеры его таковы, что для его транспортировки будет выделено крупное судно. Более точно о времени отправки груза буду информировать вас по возможности.

«Фрайбол»

Такую радиограмму прочитали в британском Морском министерстве 19.01.45.

Война становилась такой, какой раньше не была. Если на Западе Модель, стремительным ударом опрокинув первые эшелоны союзников, готовился форсировать реку Маас на плечах Монтгомери, то с Востока накатывала безбрежная волна полчищ Аттилы. Враг вторгся на территорию Рейха. Его ждали. К этому готовились. Каждый дом – огневая точка, каждая улица – рубеж обороны. На пути к столице Восточной Пруссии непреступной крепостью встал Инстербург. По левому берегу реки Инстер держали оборону не больше двух полков пехоты, 15–20 танков, два-три дивизиона артиллерии и несколько минометных батарей. В ночь на 20 января русские форсировали Неман по льду и штурмом овладели Тильзитом. Это в 50 километрах к северу. Сил не хватало. Создалась угроза охвата города широким кольцом. Утром следующего дня началась массированная воздушная бомбардировка Инстербурга зажигательными и фугасными бомбами. Большим разрушениям подверглись Гинденбургштрассе Луи-зенштрассе, на Маркграфенплац, прямым попаданием был уничтожен большой православный собор, сильные разрушения были у Каралененского шлюза. 21 января, 0 часов 40 минут, Черняховский поставил штабу 11-й гвардейской армии задачу: с утра 21 января продолжать стремительное наступление и во взаимодействии с 5-й, 28-й армиями и танковым корпусом ударом частью сил с севера и северо-запада овладеть Инстербургом, главными же силами выйти на фронт Ной Ширау – Вирбельн – Штеркенингкен. Тем временем на помощь Инстербургу с запада подходили части 56, 69, 1-й пехотных и 5-й танковой дивизий. Из состава 4-й армии сюда прибыл 505-й батальон танков «тигр». Защитникам Инстербурга удалось взорвать плотину, что сделало поймы рек Ангеррап и Инстер непроходимыми для техники. В ночь на 21 января ни с того ни с сего потеплело, пошел дождь. За несколько часов растаял снег и раскисла почва. Днем дождь вновь сменился снегом, температура понизилась. Используя мобильную оборону, малыми силами удалось задержать русских на сутки. Только к вечеру передовые отряды Черняховского вышли на ближайшие подступы к Инстербургу. До города оставалось около шести километров. Здесь проходила последняя полоса обороны с полевыми и долговременными инженерными сооружениями. В 22 часа запели «сталинские органы». После 20-минутной артиллерийской подготовки началось наступление на Инстербург. Силами двух стрелковых полков, усиленных двумя десятками танков, вдоль шоссе, стремясь овладеть переправами через Инстер в районе Георгенбурга и ворваться в город с севера. Третий полк должен был, наступая из района Падройена через лес Штаатс Форет Падройн, переправиться через Прегель в районе Неттинена и ворваться в город с запада и северо-запада. Первая атака с обоих направлений около полуночи была отбита. Повторная атака через 45 минут также не дала существенных результатов, несмотря на то что с марша была введена в бой дивизия самоходных

установок. Инстербург снова встретил наступающие части сильным пулеметным, артиллерийским и минометным огнем и яростными контратаками.

* * *

Резкие порывы ветра и мокрый снег затрудняли и без того нелегкую работу по транспортировке контейнеров из Пилау в Готенхафен. 160 километров по обледенелым дорогам под постоянными ударами с воздуха. Зима выдалась снежной (глубина снежного покрова доходила до 40 сантиметров), с температурой до 15 градусов ниже нуля. Конвой из 5 грузовиков и бронетранспортера шел к Готенхафену двое суток, вернее две ночи. Главное было сохранить груз. Что находится в контейнерах, Ройтер не знал. При получении груза возникла нелепая ситуация, когда нужно было расписаться за ценности. «Как я могу обеспечить сохранность того, о чем я не имею представления?» – «Ваша задача – сохранить контейнеры». – «А содержимое? Может, в них набит битый кирпич?» – «Вы расписываетесь в том, что получаете 26 контейнеров. Что у них внутри – это не ваше дело. Ваше дело принять груз, а не инспектировать его». С ним были Карлевитц, Зубофф, который сам вызвался, как только узнал про Пилау. «Может, у меня будет возможность убить хотя бы одного большевика...» Псих. Такую возможность он получит только в случае, если операция будет полностью провалена. Еще двое боцманов из «старой гвардии». Получалось вполне элитное подразделение СС.

Во время воздушной атаки один из контейнеров все-таки повредили. Он соскользнул с грузовика, сделавшего резкий маневр, чтобы уйти от очереди русского штурмовика. Стало хоть понятно, что мы везем. Это была какая-то радиоаппаратура. Очень необычная радиоаппаратура. Ну да ладно. Война есть война... Составили акт, подписали. Ящик вскрыт – аппаратура повреждена. Причина – русская атака с воздуха. Но есть же еще 25 остальных.

21 января, 23 часа 00 минут. Батальон гвардии майора Абатурова 53-го гвардейского полка, с танками и самоходными установками, атаковал населенный пункт Пагелинен и разгромил гарнизон. Развивая наступление, подразделения полка вышли на южную опушку леса западнее Георгенбурга. Тем самым они глубоко обошли левый фланг немецкой группировки, оборонявшейся на участке наступления главных сил корпуса, и создали угрозу выхода ей в тыл. Однако вместо ожидаемого отступления к югу противник произвел перегруппировку сил и, подтянув в район Росстала до двух батальонов пехоты с танками, продолжал настойчиво сдерживать наступление наших дивизий, а на отдельных участках даже предпринимал контратаки. Более того, усилив двумя ротами пехоты и танками отходившие подразделения 69-й пехотной дивизии в районе Виллиамсфельде, фашисты попытались отбросить 58-й полк в северном направлении. До 24 часов полк отразил четыре атаки пехоты и танков. Столь же яростно сопротивлялись немцы в это время и в полосе наступления главных сил корпуса.

Русская оперативная сводка

22 января пассажирский лайнер «Вильгельм Густлофф» начал принимать на борт эвакуируемых. В первую очередь несколько сот женщин из флотского вспомогательного дивизиона и почти тысячу раненых солдат. Этим бортом шли несколько офицеров-подводников из Пилау. Кого-то из них Ройтер шапочно знал раньше, кого-то видел впервые. Главное было то, что никто из них не узнавал его. Доктор постарался. Ройтер стал обладателем вполне симпатичной внешности, до Шепке, может, и недотягивал, но на роли благородных негодяев в UFA вполне. Да и не Ройтер он теперь вовсе, а Конрад Нойман.

Принимающий груз штурмбаннфюрер СС узнал его по перстню. Это говорило о высокой степени посвященности.

– Благодарю вас, – удовлетворенно сказал он. – Надеюсь, что теперь-то нам ничего не угрожает.

– Не разделяю вашего оптимизма, – заметил Ройтер. – Балтийский флот русских совсем рядом.

– А, – отмахнулся штурмбаннфюрер. – Тут видели на днях какую-то подлодку в районе банки Штольпе, но на нее высыпали столько тротила, что она уж теперь точно безопасна.

Черт! Вот такое утверждение было очень опрометчиво! Кто, как не Ройтер, знал, что на лодку можно высыпать бочек хоть все из всех трюмов «Густлоффа» – никогда нельзя быть уверенным. Даже когда ты выловил пол-экипажа и то... Взять хотя бы «Бисмарк»! Сколько англичане взяли пленных? 100? 200?

На пирсе тем временем собиралась огромная толпа в несколько тысяч человек. Они представляли собой весьма удручающее зрелище. А для военного – удручающее в квадрате. Они бегут. Значит, я не справился. Многие вообще бежали в том, в чем им удалось выскочить из дома. Баулы, нелепые чемоданы. Узелки из дорогих портьер. Обезумевшие от страха женские глаза... Главное было не встречаться взглядом. Продираясь сквозь толпу, Ройтер увидел, как у Карлевитца на рукаве висит сухонькая бабушка, одной рукой она намертво вцепилась в китель, а другой тыкала в грудь мальчишке лет 5. «Что она от него хочет? – подумал Ройтер. – Почему именно от него?» Потом Карлевитц рассказывал, что бабка приняла его за какого-то чиновника и пыталась убедить взять если не ее, то хотя бы внука. Сутки портовая администрация сдерживала напор толпы, но после того, как она смяла оцепление и повалила на сходни, пришлось просто открыть двери для всех... А что делать? – Война... В то время, когда тысячи столпившихся на пирсе гражданских лиц атаковали капитана «Густлоффа» с требованием вывезти их немедленно отсюда, Ройтер атаковал капитана порта.

– Вы что, хотите отправить «Густлоффа» без прикрытия? – Это было просто невероятно!!! – Груз, о ценности которого вас должны были специально предупредить! А люди, беженцы?... Все это вы хотите отправить болтаться в открытом море, предоставив исключительно воле Бога.

– Герр гауптштурмфюрер! Я понимаю ваши чувства, но, поверьте, опасности нет. Подлодка, которую на днях обнаружили силы нашего ПЛЮ, уничтожена.

– Об этом судить нельзя с такой достоверностью! Дайте корветы, дайте хотя бы тральщик.

– А вы-то, собственно, кто? Вы что, разбираетесь в тонкостях подводной войны?

– Я разбираюсь в подводной войне? – К горлу начал подкатывать ком возмущения. – Да вы знаете, кто я?!

– Интересно, кто же?

– Я... я личный представитель Рейхсфюрера! По его личному указанию мы эвакуируем груз особой важности! Я требую дать эскорт!

– Гер Нойман! Прекратите истерику! Вы испугались русской подлодки? Так поезжайте поездом. Может, русские танки вам больше по душе...

Этот гауптштурмфюрер, хоть и носит знак подводника, – скорее всего какая-то штабная крыса, не имеющая ни малейшего представления о боевом применении и тактике подлодок противника. Груз сопровождает... Ну вот такие, как он, его всю жизнь и сопровождают по коридорам на углу Принц-Альбрехтштрассе и Вильгельмштрассе¹⁸.

– А я вам скажу! Может, вы у себя в СС там не знаете, но крейсерская скорость русской подлодки типа «Щ» в надводном положении 11,5 узлов! Она просто не в состоянии выйти на такую цель, как «Густлофф».

---

¹⁸ Принц-Альбрехтштрассе, 9 – резиденция Гимmlера; Вильгельмштрассе, 106 – управление Имперской безопасности.

В коридоре ожидали Зубофф и Карлевитц. Последний нервно тербил кокарду на фуражке... Он начал подозревать худший вариант развития событий. И когда в кабинете капитана порта послышался грохот, а мимо них пронесся наряд охраны, громко топая ботинками, он, сообразуясь со своим шестым еврейским чувством, незаметно выскользнул из помещения. В отличие от Зубоффа, который бросился на помощь командиру.

Глава 6

ФАРВАТЕР № 58

*Режет влажную землю сошник.
Провода стиснули жирную стену.
Железо звенит, железо свистит.
Дайте пожить и железу.*

Алексей Крученых (1916)

При всех несомненных минусах тюремная камера – это место, где можно выспаться... На сей раз камерой служил подвал комендатуры. Здесь было много всякой всячины. Последние три недели этот подвал по назначению не использовали. Тут уже не место заключения. Тут склад, а может, уже и не склад, а свалка.

– Чего ты полез? – мрачно спросил Ройтер у Зубоффа.

– Я защищал командира... по уставу...

– Ох, уставник... – ухмыльнулся Ройтер. – Ну, долго нас тут не продержат – однозначно. Скоро нас хватится Рейхсфюрер, и тогда всю эту компашку научат родину любить... Ну вот – 13:45 – «Густлофф» 15 минут назад покинул рейд. Мы с вами, герр Зубофф, опоздали на пароход.

Ройтер пнул ботинком попавшую под ногу необычную желтую полированную пластинку. Что бы это могло быть? Неужели янтарь? Ройтер поднял его с полу. И правда янтарь... Кто бы мог подумать... Смотри-ка еще... Несколько крупинки балтийского солнца рассыпались по серому бетонному полу. Интересно, что здесь могло лежать? Неужели янтарь не упаковали по-человечески? Он вспомнил свой контейнер. Грузовик резко вильнул, чтобы уйти от очереди крупнокалиберного пулемета. Груз резко подается вправо, лопается конец, которым его укрепили. А может, его перебил осколок? Или пуля. Все может быть. И вот уже серый ящик кувыркается под откос, по дороге несколько раз переворачиваясь. Кувыркнулся-кувыркался, пока не застыл, беспомощно откинув треснувшую крышку. Ройтер проследил лично, чтобы не осталось ни одного кусочка бакелита. Но снег же! По колено почти, особенно в низинах. Как там все соберешь? Может, и здесь так же...

Ройтер не знал, где Карлевитц. Он не видел, как инженер-лейтенант ретировался. Да ему и в голову не могло прийти, что Карлевитц сбежит. Ведь то, что этот офицер не трус и не предатель, все могли убедиться не однажды. Почему же он не поддержал командира? А ответ был прост. Уроки мастера Накамуры не прошли зря для почетного арийца. Может быть, он что-то увидел, а может быть, просто решил действовать по обстановке, ведь синтоизм учит – нет плохих и хороших поступков, есть уместные и неуместные. Так Карлевитц наиболее уместным посчитал покинуть здание портоуправления. Ведь если бы он оказался вместе с ними в подвале, то спустя 4 часа от пирса не отшвартовался эсминец «Лёве» и не взял бы курс в открытое море. Одному богу известно, как Карлевитц сумел найти слова для Пауля Прюффе – командира эсминца. Что сыграло главную роль? Нерушимое флотское братство, позволившее бывшему вахтенному миноносца найти общий язык с коллегой, эсэсовская форма или сакральные знания, полученные на уроках наставника? Насколько нужно быть убедительным, чтобы заставить Прюффе выйти из порта без прямой санкции командования? Но теперь-то на «Густлоффе» уж точно могут вздохнуть спокойно. Охранение есть. Вернее будет. Через четыре часа.

Капитан «Вильгельма Густлоффа» Фридрих Петерсен был далеко не новичком в морском деле и прекрасно понимал, что продолжение движения на запад содержит в себе известный

риск Выход мог быть найден только в нетривиальном решении, и оно было найдено. Принимая во внимание штормовую погоду и сравнительно большую скорость лайнера, Петерсен решил прорваться глубоководным фарватером N 58, что проходил севернее банки Штольпе. Шторм и снегопад затруднят противнику обнаружение судна. Если двигаться с максимальной скоростью и без зигзага, то с рассветом оно будет уже на подходах к Кильской бухте. Вражескую авиацию, таким образом, в расчет можно не принимать. Глубоководный фарватер застрахует от подрыва на минах. Подводным лодкам противника будет тяжело обнаружить «Густлофф», и еще сложнее – занять позицию для атаки в условиях шторма. Тем более с «Лёве» радировали – «Следуем вашим курсом. Рандеву 55,66 С 17, 38 В».

* * *

– Скажите, Юрген, – начал Ройтер, растянувшись на топчане, который тут остался еще с тех пор, когда еще была хотя бы какая-то видимость порядка.

Время, которое они вынужденно проводят в заключении, не должно быть потеряно впустую. Стоит уделить внимание подчиненному. Как Рёстлер говорил – знать самые потаенные мотивы. Пожалуй, время пришло их узнать. Тем более что в отношении России у Ройтера было множество вопросов. Русские – народ весьма воинственный, что было не раз подтверждено историей. Именно они уничтожили армию Наполеона, да и за последние 30 лет они уже второй раз появляются в Восточной Пруссии. Правда, предпоследний конфликт, когда экспедиционный корпус Суворова выступил на стороне Австрии против Пруссии, был больше чем 150 лет назад. Да и то... Сейчас и Австрия и Пруссия – едины. – Итак, Юрген, – вот вы, собственно, не скрываете своего происхождения. В то же время наши народы сейчас, вот в эту самую минуту убежденно уничтожают друг друга, демонстрируя при этом чудеса воинского искусства. Что значит для вас «быть русским»?

Старший помощник задумался. Он понял вопрос и не торопился на него отвечать.

– Та война, – медленно начал он, – мне стоила родины. Ее отняли большевики. В этой войне я бьюсь за тех, кто посмел бросить вызов большевикам.

– Вы же родились в Берлине...

– Ну да, – кивнул Зубофф. – Но я русский дворянин. У меня имение под Тамбовом.

– Но вы же не были в этом имении ни дня, – удивился Ройтер. – А родина для вас все равно – Россия?

Как он странно говорит – он не употребляет прошедшее время – «было имение»... То есть для него оно где-то в мыслях и сейчас «есть».

– А сейчас большевики пришли забрать и мою вторую родину.

– А если мы победим? Если мы погоним большевиков назад до Волги?

– Тогда я вернусь на свою первую родину.

– Получается, понятие «кровь» для вас не имеет смысла без понятия «почва»?

– Наверное, можно и так сказать. У меня нет иллюзий. Я готов сражаться не один год, но обязательно прийти к своему изначальному пункту – дому на высоком берегу реки Хопер, о котором мне рассказывали в детстве. Я его вижу и помню, он мне часто снится. Хотя в последние годы мои родители там и не жили почти. Отец был чиновником морского ведомства и жил в Риге. Там тоже был дом. Но это другое.

– То есть вы прожили в Германии 22 года и готовы сражаться еще 22, чтобы попасть в место, где вы никогда не были?

– Если будет нужно – то и трижды по 22. Вы думаете, герр командир, я не вижу, насколько большевики сильны? Это тьма кромешная. Силы мирового зла. Мой народ, пожалуй, как никакой другой в мире, натерпелся от иудо-большевиков... Сейчас эта мгла ринулась в Европу. Я,

как вы верно заметили, русский, а не большевик... Хотя сейчас для многих эти слова стали синонимами...

– И что же для вас означает «быть русским»?

– А что означает «быть немцем»?

– Я служу своей стране, армия, флот национальны по определению. Но вы-то, получается, воюете на стороне врагов своей страны...

– Я воюю против тех, кто в 17-м году вверг эту страну в хаос и лишения, кто душит и насилует русский народ... Жаль, что не на Восточном фронте...

– Восточный фронт вон, за окнами.

– Ну вот поэтому я и здесь...

* * *

У «Густлоффа» пошло все сразу как-то не по плану. При выходе из бухты он налетел на остов линейного крейсера «Шлезвиг-Гольштейн», упокоившегося тут месяцем раньше, и повредил руль. Маневренность корабля была ограничена.

В 21:00 сигнальщик русской подлодки «С-13» обнаружил цель на румбе 105 градусов.

В 21:20 «С-13» уменьшила ход до 9 узлов.

Капитан Петерсен, зная, что «Лёве» на подходе, приказал включить позиционные огни, но из-за сильного волнения при сильном боковом северо-западном ветре «Лёве» отставал и ориентироваться на них не мог, зато их прекрасно было видно с «С-13».

21:26. «С-13» начинает решительное сближение с противником.

21:27. Командир отдает приказ о переходе в позиционное положение. Одновременно он начинает понимать, что цель может ускользнуть.

В 21:35 ход вновь увеличивается до 12 узлов. Позиционное положение препятствует достижению еще большей скорости.

В 21:41 в концевых группах надувают цистерны главного балласта, и спустя три минуты подлодка, уменьшив сопротивление воды, развивает уже 14 узлов.

К 21:55, в тот момент, когда дистанция составляет уже не более 35 кабельтовых, командир «С-13» окончательно убеждается в том, что с выходом в атаку он опоздал. Курсовой угол лайнера на подводную лодку-120 градусов левого борта.

В 21:55 «С-13» ложится на курс 280 градусов и начинает длительный часовой обгон ничего не подозревающего «Густлоффа». В течение последнего получаса лодка развивает 18-узловой ход.

23:04. Лодка ложится на боевой курс 15 градусов, который выводит ее строго перпендикулярно левому борту лайнера. Через четыре минуты подлодка дает полный четырехторпедный залп. Дистанция до цели – 4,5 кабельтовых, расчетный угол встречи – 85 градусов.

Спустя 37 секунд первая рыбина с надписью «За Родину!» поражает левый борт цели в районе капитанского мостика. Вслед за этим почти сразу следуют еще два взрыва. «За Советский народ!», «За Ленинград!» – надписи на бортах торпед. Последняя с надписью «За Сталина!» отказалась выходить из трубы, что чуть было не привело к аварии. Командир приказывает уйти на глубину, чтобы избежать подрыва торпеды в аппарате.

* * *

Над волнами остервенело хрипел ревун. Луч прожектора шарил по волнам и заставлял тьму отступать. «Лёве» достиг точки randevu. Прожектор чиркнул по борту лайнера. В следующую секунду над бортом взметнулся характерный белый фонтан, знакомый каждому подводнику, тем более командиру торпедной части.

– Черт! – выругался Карлевитц, когда звуки разрывов не оставили ни малейшего сомнения. – Этого я больше всего и боялся! Герр капитан-лейтенант, почему вы не включаете гидролокатор? Давайте хотя бы накажем этих уродов!

– Бесполезно, – ответил Прюффе. – Два дня назад мы повредили антенну ГАС¹⁹ при ударе о льдину. А что вы хотели, коллега? – Прюффе перехватил удивленный взгляд Карлевитца. – Вы ничего не говорили о том, что нам придется вступить в бой с русскими. Я и так уже изрядно подставился, поддавшись на ваши уговоры. Разве у вас был выбор?

Прав Прюффе, конечно, выбора не было – либо «Лёве», либо ничего. Карлевитц решил, что лучше хотя бы что-то.

– Курс на корму «Густлоффа»! – отдал приказ Прюффе. – Попробуем пришвартоваться и принять людей. – Нараставший с каждой минутой крен сделал это невозможным, но уже через 30 минут после взрыва торпед «Лёве» снимал со шлюпок первых пострадавших.

23:09... «Вильгельм Густлофф» получил серьезный крен на левый борт и начал тонуть... Через минуту весь левый борт ушел под воду.

Балтика неистовствовала. Снежные заряды один за одним проходили на юго-восток, волнение достигало 7 баллов. В этом месиве льда, воды, снега, ветра и стали боролись за жизнь несколько тысяч человек. Единственной их надеждой был эсминец с неисправной системой ГАС. Его радиостанция отстукивала в эфир координаты трагедии. И к этим координатам уже приближались тральщик «М 375» и торпедолов «TF 19». Наступал последний день января последнего года Рейха.

* * *

Около 2 часов пополудни следующего дня оберштурмфюрер цур зее Адольф Карлевитц пил уже вторую кружку шнапса в тщетных попытках согреться. Он провел полночи в ледяной воде, вытаскивая пассажиров «Густлоффа» из пасти озверевшей Балтики. Напротив сидели его товарищи. Ройтер и Зубофф мгновенно были отпущены, почти сразу же как в Готенхафен пришла весть о трагедии. Капитан порта решил не усугублять свою и без того незавидную участь. Его ведь предупреждали!

Казалось, Карлевитц никогда не согреется. Обхватив обеими руками кружку и укутавшись в одеяло, он продолжал свой сбивчивый рассказ:

– Спасти удалось около 1000 человек. Может, чуть больше. Я не считал. Очень много. – Он все еще сидел, обхватив голову руками. – «Лёве» был так нагружен, что едва не черпал бортами.

– Кто спасся? – сухо спросил Ройтер.

– Кто-кто... Ну подумайте, командир, вот мы бы на нем шли... У кого больше шансов – у меня? У вас? Или той бабульки с внучком? Да, женщины и дети – вперед! Но много ли проку от шлюпки, в которой нет гребцов? Естественно, спаслись те, кто лучше подготовлен. Кто научен покидать затопленные отсеки, кто просто физически здоров и может выдержать в ледяной воде хотя бы несколько минут! У кого скорее будет инфаркт? У меня или у 60-летнего ветерана Вердена? Бабы из вспомогательных частей – они тоже...

Карлевитц умолк.

Ройтер оглядел товарищей. На лицах застыла неопределенность. Пожалуй, впервые им пришлось переживать столь сокрушительное поражение. Задача не была выполнена. Эвакуация груза из Пилау провалена. На дне Данцигской бухты лежало ценнейшее оборудование, возможно, документы, чертежи, над которыми трудились сотни инженеров не один год, но самое

---

¹⁹ Гидроакустическая станция.

главное – и это было труднее всего осознать – исчезли, ушли в бездонную пучину несколько тысяч людей. Так было только на «Титанике», да и то не так..

– Что примолкли? – процедил Ройтер сквозь зубы. – Страшно? Конечно страшно! Еще как страшно! Вы что думали? Враг вас пожалеет? Не-е-ет! Выловит из воды, накормит вкусным бульоном? Вас никто не пощадит. И никогда не стоит на это рассчитывать. Это война. И «вничью» она не закончится. Кто-то обязательно исчезнет с лица земли. Либо мы, либо враг.

Глава 7

V, W, X, Y

– Не спите, Карлевич? – Ройтер застал командира торпедной части за столом в офицерском кубрике. XXI лодка, конечно, была попросторнее «семерки».

– Да что-то предчувствие какое-то тревожное... – отозвался Карлевитц. – Как будто вся моя семья зовет меня. Не понимаю. Должно случиться что-то страшное... Может быть, отец? – предположил он.

Карлевитц вздохнул...

– А что, он разве так плох? – спросил Ройтер. – Вроде бы еще год назад он был практически здоров и не так стар...

– Так-то оно так, – пожал плечами Карлевитц. – Но если рассудить здраво – что еще может им всем угрожать? Город не бомбят, русские далеко... Что может быть такого, чтобы вызвало боль всей семьи?

– Вы просто насмотрелись на «Густлоффе». Вот и не можете прийти в себя до сих пор. Идите прилягте. Скоро вам заступать. Мне совершенно не нужно, чтобы на траверзе острова Тори вахтенный уснул на мостике.

– Я понимаю... Все равно не могу уснуть. В эту ночь должно случиться что-то страшное. Я чувствую, как в мой мозг стучится волна горя. Извините, что я говорю на такие темы на лодке, но, как мне представляется, это все касается лично меня, а не экипажа.

– Все равно мы для них (Ройтер неопределенно махнул рукой в сторону материка) уже не существуем.

Гауптштурмфюрер сбросил мокрый плащ и присел рядом.

– Мы для них – да... А они для нас? – Карлевитц пристально посмотрел на командира. Жестокий вопрос. Да, умереть «понарошку» оказалось едва ли не тяжелее, чем по-настоящему.

– Вы к ним очень привязаны... – резюмировал командир. – Что же тогда остались с нами, когда была возможность уйти?

– Да из-за них, собственно, и остался. Пока я здесь – они там... Я – погибший герой, отцу – почет и пенсия. Да, герр командир, я никогда не говорил вам... Я очень благодарен, что вы меня взяли в команду. Дело в том... Дело в том... (он подбирал слова) у меня не только отец еврей... но и мать... я полный еврей...

– Карлевич, вам что, заняться больше нечем? Идите спать, честное слово. Вам пожаловано почетное арийство. Я имел возможность убедиться в том, какой вы еврей. Меня это устраивает, – усмехнулся он.

Бортовые часы показывали 21:30 по берлинскому времени. Через 10 минут в Дрездене будет объявлена воздушная тревога.

* * *

Докладывать о провалах всегда неприятно. Но больше докладывать было некому. И Рёстлер шел к рейхсфюреру, будучи готовым к худшему. Кроме него, никто из тех, что на сей момент находился в Берлине, разумеется, не владел в таком объеме информацией по проекту «Ипсилон». На дне Данцигской бухты лежали 26 ящиков с ценнейшей аппаратурой, без которой транспортные функции «Ипсилона» не могут быть реализованы и на 10 %. Есть еще, конечно, генератор в Пенемюнде, и его можно попытаться переправить в Киль, но он все равно не даст нужной мощности. В Пилау-то система была рассчитана на нужды ВМФ, а здесь что? Ну так, самолетик какой-нибудь передвинуть... А это даже не смешно.

Рейхсфюрер еще не оправился от шока, вызванного сообщением Рёстлера, он очень быстро и отрывисто выкрикивал: «Что, что мы можем предпринять?», «Рёстлер! Вы мне обещали!», «Кто, кто ответственен за это персонально?».

– Ну могу сказать одно – только не Ройтер, вернее Нойман. Он буквально дрался за груз. Дрался как лев.

– Кто же тогда?

– Ну кто? Наши замечательные флотские бюрократы. Я уже не говорю о том, что вместе с «Густлоффом» утопили тысяч 5 людей... Головоотяпство, возведенное в принцип. Как можно посылать судно без прикрытия? Все наш бардак немецкий.

– Черт знает что! – огрызнулся рейхсфюрер. – Просто черт знает что!

– Я отдал распоряжение относительно Пенемюнде...

– Вы же говорите, что *тот* «Ипсилон» не решает проблемы?

– Все – нет, но частично вполне возможно. Если начать эвакуацию уже сейчас...

– Сейчас??? Да вы с ума сошли! Эвакуироваться сейчас, чтобы создать панику?

Гиммлер стоял у окна, спиной к Рёстлеру, он за чем-то внимательно наблюдал на улице.

– Скажите, – вдруг перебил собственные мысли он. – А где сейчас, ну, этот... Ройтер...

Нойман...

– Ну, оперативно он подчинен Фридебургу. Насколько я понимаю, он занимается снабжением островов Джерси...

– Черт знает что... Такую лодку и посылать на снабжение...

Рёстлер развел руками.

– Видимо, снабжение – это официальная версия, а истина – транспорты союзников в Ламанше... Он вам сейчас нужен?

– Да нет, не особо... Я так понимаю, теперь в проекте участвует Люфтваффе?

– Проект в любом случае (Рёстлер подчеркнул слово «в любом») курирует СС и конкретно «Наследие предков»...

* * *

Англичане в эту ночь вели себя очень странно. Уже полчаса как была объявлена тревога, а на город еще не упала ни одна бомба. Хотя кто его знает, как оно должно быть? Полгода назад несколько американских «летающих крепостей» отбомбились по заводам «Зейдель-Науман» и «Хартвиг-Фогель», выбранным ими в качестве запасной цели во время налета на завод в Руланде. Тоже все засели в подвалах, но жилым кварталам тогда ничего не угрожало. Казалось, сам Бог бережет Саксонскую Флоренцию. Люди, как положено спустившиеся в бомбоубежища, не слышали ни одного разрыва. Из этих укрытий не было видно десятков осветительных бомб, висящих на парашютах и заливающих улицы города жутковатым желто-зеленым светом. В 22:10 бомбардировка началась. Колонна из пяти сотен бомбардировщиков «Ланкастер» шла, растянувшись на 200 км. Им нечего было противопоставить. Вся авиация Дрезденского и Берлинского округов атаковала плацдармы на Одере. С десятков истребителей местного ПВО были запущены последними каплями горючего и подняты по тревоге, но все, что они могли, – это погибнуть первыми. Дальше начался ад, который продолжался трое суток. Осветительные бомбы сделали свое дело и больше были не нужны. Горящие здания и так были достаточно ярким ориентиром. Британцы сбрасывали свой груз, ориентируясь по ним. Жар был такой, что ощущался в кабинах самолетов. Кипшдорферштрассе оказалась в центре огненного смерча. Те, кто прятался в подвалах, оказывались блокированными в собственных укрытиях. Огонь пожирал дом за домом. Выгорание кислорода создавало локальные вихри скоростью 250 км/ч. Тяга создавалась такая, что потоком раскаленного воздуха поднимало в воздух трамваи. Кое-кому посчастливилось вырваться из огненной ловушки – они нашли укрытие в Гроссен Гар-

тене – большом городском парке, который был поначалу вполне надежной защитой, но и этот пробел британцы вскоре выправили. С воздуха парк казался огромным темным пятном в море огня. Следующие волны «Ланкастеров» уже работали по этому темному пятну прицельно, где среди изуродованных деревьев метались обезумевшие люди вперемешку с животными, сбегавшими из разрушенных вольеров зоосада. Истребители сопровождения, расправившись с противодействовавшими им Me-110, безнаказанно летали над городом, расстреливая улицы из пулеметов.

С 12 по 14 февраля 1945 года уничтожено: 24 банка, 26 зданий страховых компаний, 31 торговая лавка, 6470 магазинов, 640 складов, 256 торговых залов, 31 гостиница, 26 публичных домов, 63 административных здания, 3 театра, 18 кинотеатров, 11 церквей, 60 часовен, 50 культурно-исторических зданий, 19 госпиталей (включая вспомогательные и частные клиники), 39 школ, 5 консульств, 1 зоологический сад, 1 водопроводная станция, 1 железнодорожное депо, 19 почтамтов, 4 трамвайных депо, 19 судов и барж. Получили ущерб почти 200 заводов, из них 136 понесли серьезный ущерб (включая несколько предприятий Zeiss по производству оптики), 28 – средний ущерб и 35 – небольшой.

Из сводки полиции г. Дрездена

* * *

Капитан-лейтенант Иоганн Мор – командир гарнизона острова Джерси тоже, как и Карлевитц, был родом из Саксонии, правда, не из самого Дрездена, а из городка Мейссен, что в 20 километрах к северо-западу. Сообщение берлинского радио, в котором сообщалось о 25 тысячах погибших, он воспринял весьма скептически. Сеанс связи со штабом лишь добавил сомнений. Никто ничего толком не знал. Ему сообщили, что сам Мейссен не пострадал и его семья жива, но также усомнились в правильности цифры 25 000. Трупы не на чем вывозить, и их складывают в штабеля прямо на городских площадях. Вероятно, официальная пропаганда занизила потери как минимум в 3–4 раза.

– Можно что-то узнать о семье Карлевитц? – Мор понимал чувства его земляка. Если невозможно запросить данные напрямую – может, получится по его каналам? – Аптека на Кипшдорферштрассе.

– Дом 8, – добавил Карлевитц. После сообщения о бомбардировке он стал как привидение – бледным, во взгляде появилась отрешенность, которой не было раньше.

– Кипшдорфер, 8.

– Постараюсь сделать для вас все, что возможно, – был ответ.

Прошло уже достаточно времени, чтобы не ссылаться на неразбериху, которая обычно возникает сразу же после таких событий. Две недели вполне достаточно для того, чтобы подсчитать потери. Уж во всяком случае, если кто-то остался в живых, должны объявиться – в госпиталях, среди беженцев, но как-то должны.

– Бесит меня наше бессилие! – негодовал Ройтер. – Где все эти асы Люфтваффе? Нас методично сравнивают с землей, а у нас нет даже нормального ПВО! Мейер хренов!²⁰

Да, Мейер свое слово не сдержал. Очередная глумливая ухмылка судьбы. Харизматический герой крайне редко бывает хорошим администратором.

---

²⁰ В свое время Геринг заявил: «Я могу заверить германский народ, что пока я являюсь министром авиации, ни одна вражеская бомба не будет сброшена над Германией. Если это будет не так, то моя фамилия не Геринг, а Мейер». Когда бомбы посыпались сотнями в Германии, за ним утвердилась эта фамилия.

– У англичан значительное превосходство в технических средствах... – повторил Мор где-то вычитанную фразу, хотя и сам толком в нее не верил.

– Знаете что... Был у меня зенитчик, так вот, пока все уходило от авиации срочным погружением – он атаковал самолеты. Мы погружались только в крайних случаях. Однажды он сбил «Либереитор».

– Из штатной зенитки?

– Ну не совсем штатной, но у него не было пары «Мессершмиттов» в тайном ангаре под прочным корпусом. Он просто уничтожал самолеты противника. Это была его работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.